

Ольга Куно

Добрая фея
В ПЛОХОМ
НАСТРОЕНИИ

Annotation

Крёстная фея Элрана безумно занята. Работает на полторы ставки в университете, где обучает юных фей премудростям их будущей работы, да ещё и добрые дела творит помаленьку. Поэтому, когда однажды вечером к ней заявился принц с просьбой о помощи, она поначалу даже открывать ему не хотела. Однако же тяга к добрым делам взяла верх над усталостью, и теперь несчастной фее предстоит каким-то образом женить принца на царевне, которая никогда не смеётся. Но жизнь и вовсе идёт кувырком, когда другая крёстная фея заявляет коллеге, что намерена устроить её, Элраны, личное счастье.

Сумеет ли опытная, утомлённая и по-своему циничная фея, вовсе не ощущающая себя молодой, увидеть свою жизнь в совершенно новом свете? Примет ли на себя роль невесты? А если да, то кто из мужчин окажется лучшим кандидатом на роль жениха?

-
- [Добрая фея в плохом настроении](#)
 -
-

Добрая фея в плохом настроении

Стихотворные комментарии от Лядянки

— Простите меня, ваше высочество! И прощайте.

Рука девушки выскользнула из ладоней недоумевающего принца. Часы ударили во второй раз, и незнакомка помчалась прочь. Бальный зал, в котором так весело развлекались гости, коридор, лестница, ещё один зал... А часы всё продолжали бить — третий раз, четвёртый, пятый, — и казалось, будто от каждого удара дрожит земля. Принц погнался следом за незнакомкой, но она оказалась проворнее, и единственным трофеем, доставшимся его высочеству, стала белоснежная туфелька, посверкивавшая в отблеске свечей так, словно была сделана из хрусталя.

А девушка выбежала за ворота дворца и поспешила укрыться за росшими неподалёку деревьями. Как раз вовремя, ибо часы пробили в двенадцатый раз, и в воцарившейся затем тишине её роскошный белоснежный наряд обернулся старым коричневым платьем с выдавшим виды передником.

Я провела по воздуху рукой. По иллюзорному изображению, будто по озёрной глади, прошла рябь, и вскоре плачущая девушка, туфелька, дворец — всё исчезло. Остался лишь обычный просторный класс с двумя рядами парт, за каждой из которых сидело по одной студентке. Доска, мел, преподавательский стол с незанятым, как и обычно на моих лекциях, стулом. И разве что большие круглые часы на стене чем-то напоминали о недавнем видении.

— Итак. — Я неспешно зашагала между партами, точно там, где совсем недавно бежала вниз по иллюзорной лестнице столь же иллюзорная Золушка. — Что сделала неправильно крёстная фея?

Я остановилась и обвела класс вопросительным взглядом. Девушки молчали, спешно пряча глаза. Я продолжила медленно шагать по проходу, громко стуча каблуками по паркету. На девушек больше не смотрела, давая им возможность вздохнуть свободно и как следует

подумать.

— Она не провела предварительную беседу с принцем? — высказала предположение невысокая, крепко сложенная студентка с короткими чёрными волосами.

— Нет, дело не в этом, — возразила я. — Беседы с предполагаемым партнёром подопечной проводятся далеко не всегда. В некоторых случаях это действительно бывает полезно, в других, наоборот, вредно. В ситуации, которую рассматриваем мы, без беседы вполне реально было обойтись.

Я замолчала, тем самым призывая студенток продолжить выдвигать версии.

— Она подарила Золушке просроченное заклинание, — предположила, вытянув руку, худая светловолосая девушка с тонкими чертами лица.

— Верно, Динь, — одобрительно кивнула я. — Почти. Заклинание было не совсем просроченным, но до истечения срока его годности оставалось всего несколько часов. В этом отношении фея, безусловно, действовала безответственно.

— Почему же она так поступила? — подала голос студентка с задней парты.

Теперь и прочие девушки глядели на меня в ожидании ответа.

— Как знать? — хмыкнула я. — Возможно, в тот день она просто вдруг вспомнила, что у неё завалялось заклинание, срок годности которого истекает ровно в полночь. Ей стало жалко, что заклинание пропадёт, вот она и нашла ему применение. Вы сами видели, что в итоге получилось. Девушке пришлось совсем не сладко.

— Но ведь туфельки в полночь не исчезли, — заметила со своего места тёмненькая.

— Туфельки подарил мальчик-паж, фактически подмастерье, — напомнила я. — А он пока ещё только учится. И потому не успел стать в должной степени циничным. Ему не жалко потратить время, силы и отличное, новенькое заклинание. Будут ещё какие-нибудь вопросы?

К этому моменту я успела обойти класс и, вернувшись на своё место, привычно уселась на рабочий стол. Расправленные за спиной крылья позволили забраться на него быстро и без малейших сложностей. Хоть какая-то от них польза.

Девушка с бледным лицом и платинового оттенка волосами

подняла руку.

— У Золушки кариес нижней пятёрки. Это её собственные зубы или часть заклѣтия феи?

— Не кариес, а пульпит, Силия, — неодобрительно отозвалась я. — Будущей зубной фее не пристало путать такие вещи. Что же касается вашего вопроса, нет, это не часть заклѣтия. Заклѣтие касалось внешнего вида, но никак не заболеваний. Если бы у Золушки был насморк, она продолжала бы сморкаться и на балу. Так что пульпит — настоящий.

— А фея действительно была её крёстной?

На этот раз вопрос задала шатенка с падающей на глаза чёлкой и пухлыми губками.

— Нет. — Уголки моих губ изогнулись в лёгкой улыбке. — Феи, при всех своих способностях, не всемогущи. И мы не можем на том этапе, когда ребёнок только-только родился, предвидеть, что именно ему в юном возрасте понадобится наша помощь. Так что «крёстная фея» — это не более чем термин. Специализация, если хотите. И зародилось такое понятие как раз тогда, во времена этой самой Золушки.

Я махнула рукой в сторону противоположной стены, намекая на дорогу, которую иллюзорная девушка недавно преодолела между партами.

— А почему крёстных фей стали именно так называть? — вновь проявила неравнодушие к теме обсуждения тёмненькая.

Я одобрительно улыбнулась: думаю, из девушки выйдет толк.

— Людям очень трудно понять, как кто бы то ни было, человек или фея, может творить добро без особых причин. Помочь родственнику — это, с их точки зрения, нормально и понятно. Такое поведение работает на выживание вида. Крёстная — это почти что родственник, насколько фея вообще может оказаться родственницей тому, в чьих жилах течёт исключительно людская кровь. А вот бескорыстная помощь совершенно посторонней девушке — или совершенно постороннему юноше — вызывает в людях когнитивный диссонанс. Такова человеческая природа, — развела руками я. — Об этом вы подробнее поговорите на уроках психологии с профессором Мелюзиной. И да, для будущей феи-брауни такие знания особенно важны, — улыбнулась темноволосой я. — Вам важно не просто понять людей, а ещё и полюбить их такими, какие они есть. Это совсем непросто. Но думаю, Дейве, у вас получится.

Уроки закончились к шести часам вечера, и я, чувствуя себя дико уставшей, вошла в учительскую. Первым делом направилась к шкафчику, в котором хранились наши чашки а также всё, что нужно, дабы приготовить горячие напитки. Я привычным движением выхватила коробочку с кофейным порошком.

— Привет.

Можно было подумать, что голос принадлежит умирающему, но я то отлично себе представляю состояние преподавателя, который в шесть часов вечера всё ещё не разделался со своей работой. И, более того, знает, что продолжать придётся долго.

Фея Мелюзина обладала огненно-рыжими волосами и наряды носила соответствующие — яркие, привлекающие внимание, выделяющиеся на фоне одежды окружающих. В данный момент она сидела за столом и скользила слегка безумным взглядом по пергаменту. В руке она при этом держала перо, с которого была почти готова сорваться алая капля. Ни дать, ни взять демоница, подписывающая договор на крови. И только идеально зная ситуацию, можно было определить, что это всего лишь добрая фея, уставшая к концу рабочего дня, вчитывается в студенческие каракули и исправляет ошибки красными чернилами.

— Ну как? — сочувственно спросила я, привычно давая чайной ложке указание насыпать в чашку две порции с верхом.

Мелюзина шумно вздохнула, выпуская из груди полустон, полурыв.

— Вот, посмотри. — Она развернула в мою сторону пергамент, полный скачущих букв, перечёркиваний, клякс и стрелочек, должных показать, в каком порядке следует читать абзацы. — И знаешь, что написано в конце? — Она нашла нужное место и с выражением зачитала: — «Профессор Мелюзина, пожалуйста, простите меня за неаккуратность. В моей комнате творится то же самое». И как мне прикажешь к этому относиться?

Я рассмеялась и переместилась с чашкой к коллеге поближе.

— Много ещё экзаменов?

— Порядочно, — тоскливо протянула она. — Знаешь, я иногда так завидую боевым магам с соседнего отделения. Ну, посуди сама, что такое у них экзамен? Призвал на тренировочную площадку дракона, выставил туда же студентов. И всё! Кто справился, тот прошёл курс. А

кто не справился, тем даже двойку ставить не надо. Опять-таки и возмущаться они уже не придут, апелляцию подавать не станут. Красота! — мечтательно выдохнула она напоследок и вновь с несчастным видом взялась за перо.

— Я думаю, с практическими предметами всё тоже не так просто, — усмехнулась я, наливая в чашку воды. Пока холодной.

— Наверное, — отмахнулась Мелюзина. В итоге кроваво-алое пятно всё-таки слетело с пера и капнуло на стол. Фея поморщилась и небрежным движением руки заставила пятно вновь превратиться в каплю и занять прежнее место на кончике пера. — А всё-таки я иногда мечтаю о том, как было бы здорово упростить наши теоретические экзамены. Скажем, ввести систему выбора правильного ответа из четырёх. Вот, например:

Что отрубил Змею Горынычу Илья Муромец?

а. Первую голову

б. Вторую голову

в. Третью голову

г. Все ответы верны

Здорово, правда?

Я рассмеялась.

— Тут не хватает ещё одного варианта: «Студентки, молчать!».

— Можно добавить, — махнула рукой Мелюзина. — Главное, посуди сама: никаких расшифровок почерка, никаких стрелочек, непонятных загогулин и попыток решить, можно ли засчитать ответ, если среди трёх абзацев ничего не значащей отсебятины обнаружилось полтора правильных слова. А вот ещё, как тебе такой вариант:

Кого полюбил Иван-царевич?

а. Василису Прекрасную

б. Марью-Искусницу

в. Златовласку

г. Все ответы верны

— Просто отлично, — с усмешкой заверила я. — Но в некоторых случаях четырёх вариантов может не хватить. Например:

С кем жила Белоснежка?

а. С первым гномом

б. Со вторым гномом

в. С третьим гномом

...ну, и так далее.

— Нет в мире совершенства, — согласно вздохнула Мелюзина.

Но, видимо, обсуждение предполагаемых экзаменов подействовало на неё благотворно, за счёт того, что отвлекло от экзаменов реальных. Поэтому теперь она посмотрела на меня более внимательно, я бы даже сказала — изучающе.

— Ты выглядишь уставшей, — заметила она затем.

— Я и чувствую себя такой же.

Моя ладонь застыла над наполненной чашкой. Я шепнула заклинание, и вода в одно мгновение достигла нужной температуры.

— Тебя никогда не посещала мысль, что надо время от времени отдыхать? — любопытствовала Мелюзина, склонив голову набок.

— Свежая мысль, — сыронизировала я.

— Я серьёзно. Жизнь состоит не только из работы. Как насчёт того, чтобы сходить в таверну, посетить гномий подземный музей, оторваться на ведьмином шабаше на Лысой горе? Очень рекомендую. Прекрасный способ встряхнуться и отвлечься от забот. Ведьмы вообще отлично умеют расслабляться. У них есть чему поучиться.

— Да я не сомневаюсь, — отмахнулась я. — Но когда? Сама же знаешь: здесь у меня фактически полторы ставки. Плюс основную специальность никто не отменял, хоть я и занимаюсь ею гораздо меньше, чем прежде. А вечером, когда возвращаюсь домой, у меня уже пошевелиться сил не остаётся, не то что к ведьмам на Лысую гору летать. Я лучше на диване полежу, журнальчик почитаю. А если сил случайно больше чем обычно, то книжку какую умную...

— Если так, то хотя бы возьми — и вместо этих своих книжек и журналов ляг спать пораньше. Вот как придёшь, так сразу и ложись!

— Да не могу. — Я досадливо поморщилась. — Я сова, не засыпаю часов до трёх ночи. Уже и пробовать ложиться раньше перестала. Надоедает, знаешь ли, по несколько часов крутиться в постели.

— Кофе меньше пить не пробовала? — насмешливо осведомилась Мелюзина, покосившись на приготовленный мной напиток.

Вроде она не колдовала, но моя рука как-то сама собой отдёрнулась от стоявшей на столе чашки.

— И что ты предлагаешь?

Идея отказаться от чашки-другой (а то и третьей) запланированного на вечер напитка мне не нравилась.

— Я предлагаю не пить сегодня вечером никакого кофе. Отправиться сейчас домой, укрыться с головой одеялом и залечь спать! До утра, а лучше до полудня. У тебя круги под глазами. Нельзя так продолжать!

Я вздохнула и посмотрела на своё отражение в маленьком круглом зеркале. Должно быть, Мелюзина не так уж не права...

Вернувшись домой, я решила последовать совету коллеги. От кофе отказалась, хоть такое решение и далось нелегко. Правда, в спальню, располагавшуюся на втором этаже, не пошла. Поняла, что если лягу в свою кровать, привычная ночная обстановка заставит лишь напрячься. Вместо этого я улеглась в гостиной, на своём уютном диванчике, где нередко приятно проводила время с книжкой, и укуталась тёплым и мягким пледом. Не стала гасить свечи, лишь немного притушила их сияние при помощи волшебства. И решила спокойно полежать минут тридцать-сорок. Если не усну — а, скорее всего, так и будет, — смогу со спокойной совестью встать и заняться своими делами. И уже не ложиться до обычных двух — половины третьего.

Именно с такими мыслями я натянула плед на голову. И уснула.

Во сне был бал в королевском дворце. Лилась музыка, пары кружились в танцах. А я почему-то была Золушкой. Это казалось странным, неестественным, но и притягательным одновременно. И тут раздался бой часов. Я побежала — просто потому, что знала: надо бежать. В сердце поселилась паника, потому, что меня могли догнать (принц во сне и вовсе отсутствовал), а оттого, что я понятия не имела, в каком направлении двигаться. Потом пришло воспоминание о лестнице, по которой надо спуститься, и она тут же появилась — широкая, укрытая ковровой дорожкой, словом, точно такая, как в созданной мною иллюзии. Я побежала вниз, а часы продолжали бить, и происходило это очень странно. Совсем не так размеренно, как положено часам, а, наоборот, часто-часто. Потом наступил короткий перерыв, а затем часы забили вновь, и я сильно сомневалась, что двенадцатый удар до сих пор не прозвучал. При этом звук так бил по ушам, словно на голове у меня был шлем, и стучали непосредственно по нему. А потом я проснулась.

Бой часов не прекращался. Спустя несколько секунд я оклемалась достаточно, чтобы понять: стучат в дверь. Подняла глаза на настоящие часы: девять. Судя по темноте за окном, вечера. Значит, проспала я

успела часа полтора, не больше.

Я здорово рассердилась. В кои-то веки последовала чужому совету, чуть было не выпалась по-настоящему — и вот на тебе! Я слезла с дивана и, накинув на плечи шаль, в раздражении прошаркала к двери. Кто это вообще может быть в такое время? Ах, да! Конечно!

— Игнатьич, повторяю в последний раз! — заявила я, даже и не думая открывать дверь. — Зубные феи не вставляют новые зубы, тем более золотые. Они исключительно забирают выпавшие, притом молочные.

Стук прекратился; теперь с той стороны не раздавалось ни звука. Я понадеялась, что приставучий «клиент», наконец-то, понял свою ошибку и ушёл. Может, ещё удастся повторно заснуть? И только я собралась вернуться к дивану, как незнакомый мужской голос немного неуверенно сообщил из-за двери:

— Я не Игнатьич.

Я закатила глаза. Тем хуже для посетителя.

— А кто тогда?

— Принц.

Принц? Давненько они ко мне не хаживали. Но настроения улаживать их личную жизнь у меня всё равно сейчас не было. Я и без того на полторы ставки работала, и это не считая функций научного руководителя...

Дверь я всё-таки приоткрыла, но совсем не широко. Мрачно поглядела на ожидавшего на пороге мужчину. Именно мужчина, уже не мальчик. Держится уверенно, но без апломба. Одет, в общем-то, просто: высокие сапоги, тёмные брюки, светлая рубашка и короткая кожаная куртка нараспашку. Но всё равно видно, что не врёт: действительно принц. Я их на своём веку много повидала.

— Если туфелька не подходит ни одной девушке, ничем не могу помочь, — отрезала я, не давая ему заговорить. — В глаза надо было возлюбленной смотреть, а не на грудь пялиться. Глядишь, и признал бы.

Не знаю, как именно и куда смотрел, танцуя со своей незнакомкой, принц, но на меня он сейчас взирал совершенно ошарашенно.

— У меня нет никакой туфельки, — сказал он затем.

Я закатила глаза.

— Ладно, если ваша красавица спит и от поцелуя не просыпается, попробуйте перейти к более решительным действиям. Тогда авось

пробудится. Чтобы заехать вам по физиономии, — мстительно добавила я.

И попыталась захлопнуть дверь, чтобы заснуть, как та красавица. Но не тут-то было. Принц оказался проворным и успел просунуть ногу в дверной проём.

— У меня нет спящей суженной, — сообщил он, на сей раз почти злорадно.

Я прикинула в уме, какие остались варианты.

— Целоваться с лягушкой — только на свой страх и риск, — заявила я тоном наёмной торговки, которой всё равно, продастся товар или нет, зато хочется, чтобы покупатели хоть ненадолго оставили в покое. — Какая зараза в болотах водится, о том даже кикиморы не ведают. Будут ещё какие-нибудь вопросы?

И я со значением покосилась на ногу, обутую в сапог для верховой езды и по-прежнему препятствовавшую благому делу закрытия двери.

— Будут, — расстроил меня поздний гость. Потом посмотрел на меня как-то странно и, растеряв всю свою недавнюю уверенность, спросил:

— А вы действительно добрая фея?

— Добрая, — злобно подтвердила я. — Только у меня настроение плохое. Так зачем пришёл-то, а?

— Мне нужна помощь феи. — Решимость к посетителю снова вернулась. — Я должен жениться на девушке, которая никогда не смеётся.

— И за что же ты её полюбил такую, без чувства юмора? — любопытствовала я.

— При чём тут «полюбил»? — поморщился принц. — Отец приказал. Я младший сын, унаследовать трон мне не светит, вот отец и решил устроить брак с заграничной царевной.

— А ты что? — хмыкнула я.

Недовольство потихоньку отступало, и теперь незванный гость вызывал даже симпатию.

— А что я? — пожал плечами он. — Моё дело подневольное. Меня, собственно, и не спрашивает никто. Раз на благо государства надо, значит, надо.

Раздражение, прежде одолевавшее меня, теперь словно перекочевало к собеседнику. Решение отца принца явно не радовало, он

даже от избытка чувств пнул ногой стену. Теперь, благодаря такому порыву, ничто не мешало мне захлопнуть дверь, но я уже и сама не торопилась этого делать.

— Ты кофе пьёшь? — спросила я, никак не предупредив гостя о смене темы.

Тот немного удивился, но всё же ответил:

— Пью.

— Что ж ты раньше не сказал? — попеняла ему я и, призывно распахнув дверь, зашагала на кухню.

Я возилась с посудой и потому стояла к двери спиной, но слышала, как принц вошёл следом.

— С коньяком будешь? — решила уточнить я.

— Буду, — с должным энтузиазмом ответил он.

Я одобрительно кивнула. Вот то-то же. За кофе с коньяком и о деле можно поговорить. Вот боги свидетели: хотела я последовать совету Мелюзины. Буквально как хорошая девочка. И что из этого вышло? Новое дело в придачу ко всей навалившейся на меня работе плюс очередная чашка кофе в десятом часу вечера. Судьба.

— Ну, рассказывай, — произнесла я, когда мы сидели в уютной атмосфере домашней кухни, глотая святой, с моей точки зрения, напиток и закусывая печеньями. — Чем тебе так не понравилась невеста, если ты даже мою ни в чём не повинную стену ногой сломать пытался? Неужели только тем, что не смеётся?

— Да не в этом дело, — скривился принц. — Не смеётся — и ладно, мало ли у кого какой характер. Тут штука в другом. Отец Несмеяны жутко из-за этой особенности дочери переживает. И решил так: кто царевну рассмешит, тот на ней и женится. А заодно полцарства в приданое получит. И так это обставил — право слово, сумасшедший дом какой-то. Каждую неделю в тронном зале состоится приём. На этот приём приходят кандидаты в женихи. И все по очереди пытаются царевну рассмешить. Пока никому не удалось. И выходит так, что я тоже должен идти туда и предпринять свою попытку. Но, понимаешь, всему есть предел. Жениться ради нужд королевства — ладно. Но я не шут и не клоун, чтобы при всём честном народе травить анекдоты, корчить рожи или ходить на голове. Или что они там ещё вытворяют. У меня пока ещё есть гордость, и вот так её попираю я не готов.

— Занятно, — проговорила я, глядя на него поверх чашки. —

Стало быть, прожить всю свою жизнь бок о бок с нелюбимой женщиной ты готов. И камень преткновения — всего лишь в том, чтобы разок выставить себя на посмешище?

— В твоих устах это звучит странно, — нахмурился он. — Скажем так. Я готов пожертвовать своей личной жизнью в интересах государства. Но не согласен отказаться от своей чести.

— Хм... — Я задумчиво постучала кончиками пальцев по подбородку. — Что-то в твоих словах есть, но... всё равно это одно и то же. Впрочем, ладно. — Я вздохнула и снова глотнула горячий напиток. — Если ты так уверен в своём решении, попробую тебе помочь.

— Правда?!

По-моему, он слегка опешил. Хотя, казалось бы, именно за этим ко мне и пришёл. Я наблюдала за ним, иронично изогнув бровь.

— И... что вы за это хотите? — спохватился принц. — То есть, я хочу сказать... Я заплачу любые деньги.

Я страдальчески закатила глаза.

— Да не нужны мне никакие деньги, право слово! — простонала я. — Что же вы, люди, простых вещей понять не можете. Мы, феи, добрые дела делаем, потому что это наше призвание. Вот как ты думаешь, боггарты, когда пакостят, ради денег стараются?

— Да нет, — подумав, качнул головой принц. — Просто... характер такой, наверное. Нравится им это.

— Правильно: нравится, — подтвердила я. — А, между прочим, дело-то непростое. Как следует напакостить — это ещё суметь надо. И почему-то в их бескорыстность вы, люди, верите легко. А нам, феям, вечно какие-то странные мотивы приписываете. Ну, и откуда такая асимметрия?

— Да я не знаю, — растерянно протянул принц. — Ты извини, если обидел.

— Да ничего, — отмахнулась я. — Так-то я привыкла, просто студенткам особенности вашей психологии объяснять — это такая головная боль! Ну да неважно. Отправлюсь я, так и быть, навестить твою царевну. Знаю, где такая проживает. — Я прошла к буфету и извлекла оттуда бутылку с тёмной жидкостью. — А это поможет мне выяснить, что там к чему.

— Что это? Зелье? — спросил принц, с суеверным ужасом глядя на

жидкость, которая сейчас, в свете свечей, казалась багровой.

Я смерила его осуждающим взглядом и, отодвинув бутылку подальше, укоризненно произнесла:

— Ликёр!

В десять часов вечера из-за закрытых дверей личных покоев царевны Несмеяны раздавался громогласный женский хохот. Вернее, раздавался бы, если бы я благоразумно не использовала заклинание, изолирующее звуки. Изрядно опустевшая бутылка крепкого ягодного ликёра стояла на столе; на дне двух бокалов поблескивала в свете свечей причина нашей жизнерадостности.

— Ты представляешь, — Несмеяна не то чтобы говорила совсем уж пьяным голосом, скорее в нём звучало повышенное веселье, — и после этого — после ЭТОГО! — он мне говорит «Хочу на вас жениться!». И хоть стой, хоть падай!

— Да уж, картинка впечатляющая, — охотно согласилась я.

— И они ещё удивляются, что я не смеюсь, — вздохнула, грустнея, царевна. — А попробуй тут посмеяться. Отец с этим сватовством такое позорище устроил, что плакать впору. Каждую неделю приходят кандидаты в женихи, представляешь? И все с идиотскими попытками рассмешить. Одни рожи корчат такие, что не то что замуж не выйдешь — на другую сторону улицы перейдёшь, чтобы рядом не шагать! Другие анекдоты травят, всё больше пошлые. Уши вянут, не знаешь, как лицо сохранить. А отец — ничего, допускает, терпит, даже улыбается вежливо, хотя раньше из дворца бы вышвырнул за такие шуточки. А вдруг родной дочери что-нибудь, да понравится, что-то, да рассмешит. — Она тоскливо покачала головой. — Позор на весь двор.

— М-да, то, что сейчас тебе не до смеха, более чем понятно, — признала я. — Ну, а с чего всё началось-то? Почему смеяться перестала?

— Ну как же. — Принцесса отставила бокал и устремила взгляд на собственные ногти, покрашенные, кстати, в красивый вишнёвый цвет. — Злая ведьма прокляла. Ещё в детстве.

— Что, обиделась, когда её на праздник не пригласили? — сочувственно спросила я.

— Почему? Пригласили, — возразила девушка.

Но такой ответ меня с толку не сбил.

— Стало быть, не понравилось, что ей столовый прибор хуже, чем

соседке, дали?

— А вы откуда знаете? — удивилась Несмеяна. — Правда, столовый прибор был точно такой же, из того же самого сервиза. Но она всё равно обиделась.

— Это нормально, — кивнула я. — Злые ведьмы предсказуемы, впрочем, как и все мы. Никакая обида к её проклятию отношения, конечно же, не имела. Такие проклятия за один день не готовятся, над ними надо много работать. Так что проклясть тебя она собралась задолго до того, как пришла на праздник. А столовый прибор — это так, предлог, чтобы хоть как-то оправдать свой поступок.

— Зачем злой ведьме оправдываться? — удивилась царица.

Я лишь многозначительно пожала плечами.

— Тут надо с другого вопроса начинать: зачем ей вообще быть злой ведьмой? Но эдак мы с тобой в такие дебри заберёмся, что до утра не выберемся.

— А ты случайно проклятия снимать не умеешь? — спросила царица, разглядывая дно своего бокала и старательно делая вид, будто никакой надежды не испытывает, а спрашивает так, беседы поддержания ради.

— К сожалению, нет, — призналась я. — У меня для тебя две новости: одна хорошая, другая плохая. Начну, пожалуй, с плохой. Снимать проклятия, так чтобы любые, не умеет никто. Даже человеку, проклятие наложившему, развеять его, как правило, не дано. Это как пятно: поставить-то можно, а потом поди смой. Но есть и хорошая новость. У любого проклятия обязательно есть контрпроклятие. То есть условие, позволяющее его снять.

— Да это не новость, — вздохнула царица. — Я знаю своё условие. Проклятие спадёт, только если я встречу мужчину, который заставит мой разум помутиться и отступить под напором нахлынувших чувств, — продекларировала она. И снова вздохнула. — Да только толку-то? Я уже тогда, в детстве, была довольно рациональным человеком. Думаю, ведьма отлично об этом знала. Мне не свойственно терять самоконтроль. Вот алкоголь немного помогает, потому и проклятье, когда я в таком состоянии, не действует. Но не делаться же теперь алкоголиком, верно?

— Верно.

Тут я с царицей не согласиться не могла.

— Ну вот, — продолжала она, — а что касается мужчин... Увлекалась я пару раз, но такого, чтобы прямо себя от любви забыть, не было. Думаю, что и не будет. Уж сколько я за последние месяцы мужчин перевидала, даже подумать страшно. Отец ведь ещё и потому всю эту затею придумал, что понадеялся: вдруг я своего мужчину встречу. Который если не рассмешит, так по-другому от заклятия избавит. Да только бесполезно это всё. Не та, видать, у меня натура.

Я качнула недопитый бокал и задумчиво поглядела на остатки ликёра, поблёскивавшие внутри. Напиток, конечно, не дурманил, особенно меня, даму взрослую и бывалую, но к откровенности всё-таки располагал.

— Видишь ли, — заговорила я, подняв глаза на собеседницу, — как крёстная фея я, конечно, должна бы тебе сказать, что всё ерунда, надо просто ждать и надеяться — и однажды появится мужчина, который заставит тебя забыть обо всём. Но штука-то в чём. Я не просто крёстная фея, я крёстная фея с жизненным опытом. И поэтому скажу тебе так. Может вполне случиться, что ты такого человека действительно не встретишь. Люди все разные. Есть те, кто живёт разумом, и не теряет его от чувств. Это не значит, будто такие люди не умеют любить. Умеют, и порой даже сильнее тех, кто охает, ахает и в обмороки падает. (В обмороки, кстати, к твоему сведению, падают вовсе не от прилива чувств, а от излишне затянутого корсета). Но проявляется их любовь по-другому. И может статься, если судить по твоему рассказу, что ты как раз к этим самым людям и относишься. Поэтому обнадёживать понапрасну не буду. Может, и повезёт. Везение — штука такая: ни добрые феи, ни злые ведьмы не раскрыли секрета, как оно работает. Но кое-что интересное сказать тебе могу, а ты подумай, как к этому отнестись. Есть у меня для тебя один мужчина.

Царевна такого поворота не ожидала и явно заинтересовалась. Конечно, женихов она перевидала столько, сколько иной женщине и муравьёв в своей жизни не довелось увидеть. Но всё-таки жених от крёстной феи — дело другое. Это, можно сказать, знак качества.

— Он хороший человек, — принялась расписывать я. — Принц. Правда, младший сын, так что корону не наследует, но благородных кровей. Красив, умен, образован. Уже не мальчишка, но ещё не сложившийся холостяк. И — думаю, это должно тебе понравиться, — категорически не хочет участвовать в инициативе твоего батюшки,

поскольку считает такие представления унижительными.

По одобрительному хмыканью Несмеяны я поняла, что этот момент действительно ей импонировал.

— Кроме того, — продолжала я, — вы подходите друг другу. Я это проверила. Я ведь фея, а мы умеем видеть такие вещи. Не стану утверждать, будто вы так-таки созданы друг для друга. Может, да, может, нет: на этот счёт приметы, к которым я обращалась, молчат. Но что подходите друг другу — это точно. Так что ты подумай.

— Ну что ж, у меня для тебя хорошие новости, — сообщила я принцу, который зашёл ко мне домой следующим вечером, дабы узнать, как прошла встреча с царевной.

Я, как водится, сильно устала после целого дня преподавательской деятельности и, мимоходом глянув в зеркало, увидела там чрезвычайно утомлённое, бледное лицо с синеватыми кругами под глазами. Добрая фея, ничего не скажешь! Остаётся только косу на плечо — и ночью по кладбищу бродить. Принц, однако же, вроде не испугался.

— Царевна согласна с тобой познакомиться, — объяснила причину для оптимизма я. — Без всяких приёмов и попыток рассмешить. Обещать до знакомства, конечно, ничего не может, но настроена положительно.

— Не может быть! — Принц выпалил это с такой неподдельной радостью и таким восхищением, будто я только что сообщила, что достала для него звезду с неба или научила разговаривать его любимого кролика. — Когда я впервые постучался в этот дом, даже не думал, что настолько правильно поступаю. Я твой должник. Если могу сделать для тебя хоть что-то, только дай знать.

Не могу сказать, будто не была тронута таким заявлением.

— Ты мне ничего не должен, — убеждённо возразила я. — Однако...если просто захочешь оказать мне небольшую услугу, то есть кое-что, о чём я хотела бы тебя попросить.

Утром я вошла в класс непривычно бодрой походкой. Оглядела девушек, уже устроившихся за партами, но ещё не успевших как следует настроиться на учебный лад. Темноволосая Дейве тайком засунула за щёку карамельку, светленькая Динь рассматривала своё отражение в зеркальце. Кстати, уж больно характерная у него ручка,

широкая, узорчатая... Надо будет поинтересоваться, а то иные зеркала до добра не доводят. Фритта листала какую-то книжку, явно не учебную.

Я остановилась, немного не доходя до преподавательского стола, и это привлекло внимание студенток.

— Ну что ж, — бодро произнесла я, — сегодня у нас с вами необычный урок. Надеюсь, все готовы к плодотворному учебному процессу. Мы будем говорить о Прекрасных Принцах. Тема особенно актуальна для будущих крёстных фей, но также полезна и для остальных.

Девушки оживились: тема урока не оставила их равнодушными.

— Сегодня у нас с вами будет необычное наглядное пособие, — продолжила подогревать их интерес я.

И подала принцу знак, приглашая его войти в класс.

Девушки все, как одна, приподнялись над партами, а потом и вовсе повыскакивали с мест.

— Вот, перед вами Принц Прекрасный, одна штука, — деловито объявила я. — Руками не трогать!

Я не больно стукнула проворную Фритту по шаловливым ручкам, которые она уже протянула, чтобы пощупать настоящего принца.

— Совсем-совсем нельзя трогать? — огорчённо протянула девушка.

— Совсем, — отрезала я. — Вот своего принца раздобудете — тогда и трогайте. А сейчас можно смотреть, задавать вопросы и делать в тетрадях записи.

— А принца в разрезе вы нам покажете? — кровожадно спросила ещё одна студентка, пожирая гостя взглядом, каким всецело преданный работе лаборант смотрит на подопытного кролика.

Принц на всякий случай подался назад.

— Только рисовать, — откликнулась я. — Вот вы, Моргана, его и начертите. В качестве домашнего задания, — добавила я, пристально и жёстко глядя студентке в глаза.

Вот сердцем чую: не на тот факультет она записалась.

— А зубы его можно посмотреть?

Будущая зубная фея встала на цыпочки, с азартом присматриваясь ко рту принца. Тот упрямо сомкнул губы.

— Но ведь смотреть-то можно! — возмутилась Силия.

Я повернулась к принцу и взглядом попросила его пойти студентке навстречу.

— Я не конь, — стараясь не размыкать губ, промычал он.

— Эта девушка учится на зубную фею, — успокаивающе объяснила я. — Поэтому ей интересно. Не волнуйтесь, ваше высочество, она просто осмотрит ваши зубы на предмет кариеса. В случае чего, вы получите информацию на самом что ни на есть раннем сроке и сможете принять меры.

Принц смерил сначала меня, а потом студентку неодобрительным взглядом, но рот всё-таки приоткрыл. Правда, нешироко, но для феи, в отличие от дантиста, этого было достаточно.

— Кариес в правой верхней семёрке, — сообщила принцу она примерно через минуту. — Но вы не беспокойтесь, я уже всё вылечила.

Последние слова студентка произнесла с победной улыбкой.

— По-моему, мы с вами уже говорили, что к лечению можно приступать не ранее, чем на третьем курсе, а вы на втором, — неодобрительно покачала головой я. — Но в данном случае сделано всё было аккуратно, так что замечания не напишу. Тем не менее, настоятельно прошу принять эту деталь к сведению.

Силия кивнула, но взгляд её не стал от этого менее довольным.

— А почему у него нет хвоста? — раздался вдруг возмущённый девичий вопль.

Как оказалось, Фритта, воспользовавшись общей суматохой, успела зайти принцу за спину и теперь в обличающем жесте указывала на ту часть его тела, откуда теоретически мог бы расти хвост. Причём возмущена была так сильно, словно на принце в этот момент не было штанов, и вышеупомянутую часть тела было отлично видно.

— Потому что у принцев не бывает хвостов, — спокойно ответила я, меж тем как глаза наглядного пособия от удивления стали сопоставимы по размеру с двумя крупными блюдцами.

— Как не бывает?! — недоверчиво выдохнула Фритта. — Я сама читала! У настоящего принца непременно есть хвост. Хвост — это самое интересное!

Я огорчённо закатила глаза.

— Фритта, вам надо меньше читать женское фэнтези. Принцы — это те же самые люди, а у людей, как вы отлично знаете, хвостов нет.

— А рога? — продолжала допытываться девушка.

— Рога бывают, — ответила я. — Но только у женатых.

— И у этого будут? — подключилась к анатомической дискуссии Динь.

— У этого не будет, — отрезала я. — У его невесты не тот характер. Так, девушки, вы вопросы задавать собираетесь, или на этом можем считать данную часть урока законченной? Принцы — у них тоже дела есть.

Девушки спохватились, сосредоточенно уставились в пол. Просто так отпускать Прекрасного Принца никому не хотелось. Первой нашлась Тинкер, девочка шустрая и юркая, что проявлялось не только в движениях, но и в характере.

— А белый конь у вас есть? — спросила она, глядя на принца снизу вверх: рост у Тинкер был невысокий.

— Нет.

Принц ответил почти равнодушно. Он явно давно уже понял, что таким, какой есть — без хвоста, без рогов и даже не в разрезе, — в глазах студенток всё равно уже не реабилитируется.

— Как? — ахнула в праведном возмущении Тинкер. — А почему?

— А потому что я коня выбираю не по цвету, — язвительно ответил принц.

— А по чему? — тут же вклинилась в беседу Динь. — По размеру?

— А у вас длинный меч? — подхватила Тинкер.

Я уже собиралась прервать этот допрос, пока дело не дошло до сакраментального «Какой фрукт вы предпочтёте — яблоко или банан?», но к разговору неожиданно подключилась Майя, учившаяся на цветочную фею.

— Девочки, принц совершенно прав, — заметила она. — Белый конь — это непрактично. Коней ведь не держат дома, в идеальной чистоте. На них ездят по пыльным дорогам, по лужам, по болотистой местности. В дождливую погоду конь за один час перестанет быть белым.

— Майя, по-моему, ты не учиываешь, что конь — это не предмет одежды, — фыркнула Моргана.

— Именно что учиываю, — возразила Майя. — Одежду можно постирать в температуре 90 градусов. Коня так не постираешь. Поэтому лучше всего покупать коня цвета хаки.

Моргана лишь страдальчески закатила глаза. А между тем к принцу

шагнула Дейве.

— Ваше высочество, а каково, по вашему мнению, оптимальное число жён? Одна, две или всё-таки больше?

— Чем меньше, тем лучше, — откликнулся принц, вкладывая в эти слова весь сарказм, на какой был способен. — В идеале — ноль.

Я невольно задумалась, придерживался ли он такой точки зрения всегда, или пришёл к ней лишь сейчас, после кратковременного общения с моими подопечными.

— Н-ноль? — изумилась Дейве. — А как же наследники?

— Зато жить будем душа в душу, — ласково улыбнулся принц.

— Вот, девушки! — Тут же вступила в разговор я, потихоньку оттесняя принца к стенке, подальше от повышенно любознательных студенток. — Запомните: принц с чувством юмора — это практически гарантия успешной работы для феи. Любая женщина, будь то Золушка или принцесса, с радостью пойдет за такого замуж. Чувство юмора гораздо важнее, нежели, к примеру, привлекательная внешность.

— Так ведь он всё равно не хочет жениться, — удивлённо напомнила Динь.

— А мы не этот конкретный случай разбираем, — заметила я. — Кроме того, когда мы, феи, творим добрые дела, совершенно не обязательно спрашивать жертву, согласна она или нет. Осчастливим в любом случае.

Домой я вернулась, как обычно, поздно. Первым делом скинула туфли, от которых к вечеру начали болеть ноги. Взлохматила на ходу волосы, села на стул перед трюмо и, подперев руками щёки, уставилась на усталую женщину, глядевшую на меня с той стороны стекла. Зрелище, прямо скажем, не слишком воодушевляющее. Косметика к вечеру слегка размазалась, под глазами синяки от недосыпа и усталости, лицо бледное, взгляд потухший. Права Мелюзина, надо к ведьмам на Лысую Гору наведаться, это освежает. Глядишь, и энергией от них заряджусь.

Я вздрогнула. Нет, не от мыслей про ведьм. А потому что внезапно показалось, что у меня стало двоиться в глазах. Ибо из зеркальной глади на меня смотрела не одна фея, а целых две. Правда, вторая на вид была постарше. Зато она, в отличие от меня, могла пользоваться крыльями по назначению. Понять это было несложно, поскольку фея не стояла на

полу, а висела в воздухе, держа в руках классическую волшебную палочку. Не столько предмет первой необходимости, сколько символ. Крыльям я определённо позавидовала. Палочке — нет.

Обернувшись, чтобы проверить, существует ли вторая фея в реальности или исключительно в зеркале. Оказалось — первое.

— Здравствуй! — торжественно объявила она. — Я — твоя крёстная фея.

Я поморгала. Точно с таким же успехом нежданная гостья могла бы заявить «Здравствуй! Я — твоя белая горячка». Хотя справедливости ради надо сказать, что одета она была вовсе не в белое. Вполне приличные и приятные сиреневые тона. Надеюсь, у меня всё-таки не началось раздвоение личности, и я не делаю сейчас комплимент самой себе.

— Вы что-то перепутали, — вежливо сказала я. — Я сама крёстная фея. Так что вы, коллега, видимо, ошиблись адресом.

Сказала — и сама поняла, что несу чушь. Потому что какая же крёстная фея руководствуется адресом и тому подобными анкетными данными? Нас к потенциальному клиенту приводит совершенно другое, особое чутьё. И ошибки оно не предполагает.

— Мне это известно, — откликнулась в унисон моим мыслям фея. — Я пришла именно к тебе.

— Зачем? — нахмурилась я в искреннем недоумении.

— А зачем мы, крёстные феи, обычно приходим в чужие дома? Уж ты-то, как никто другой, должна это знать.

— Чтобы устроить счастье их обитателей, — озвучила прописную истину я. — Но мой-то дом тут при чём?

Взгляд феи так и лучился ответом «Ну вот, ты сама всё поняла!».

— Бред, — пробормотала я, недоверчиво глядя на коллегу. Может, всё-таки белая горячка? — Говорю же: я сама фея.

— Ну и что? — и бровью не повела гостья. — Кому же утраивать счастье феи, как не коллеге по волшебству? Костоправ не может излечить собственный позвоночник, а дантист — исцелить собственный клык. Так и ты не можешь стать крёстной феей самой себе.

Я представила себе клыкастого дантиста и содрогнулась.

— Но я же не Золушка и не принцесса, — вздохнула я, раздражённая необходимостью объяснять очевидное. — У меня работы много. Преподавание, научное руководство, добрые дела, будь они

неладны. Мне не до мужчин. Право, я совершенно не гожусь на роль крестницы.

— А тебя не спрашивают. — В голосе феи зазвенели жёсткие нотки. — До чего же клиенты упрямые пошли! Неужели так трудно понять: если к тебе в дом пришла добрая фея, остаётся только расслабиться и получать удовольствие!

— Я спать хочу, — пожаловалась я. — Давайте так: вы сядете на кухне пить чай, а я — в спальню. Расслабляться и получать удовольствие.

— Ну неужели ты сама не хочешь познакомиться с мужчиной своей мечты?! — воскликнула фея, заламывая руки.

Я устремила на неё скептический взгляд. Вообще-то, несмотря на патетику, что-то в её словах было. Я действительно очень устала. Забегалась, заработалась, совершенно забыла о себе. Следить вон за собой перестала. А разве плохо было бы, если бы рядом появился сильный мужчина, всегда готовый подставить хрупкой фее своё плечо?

Я поджала губы, чувствуя, что сама не верю собственным мыслям. Как бы бедному мужчине от посягательств хрупкой феи плечо не вывихнуть. Впрочем, попытаться ведь никто не мешает?

— Ну, и что там за жених? — подозрительно осведомилась я. — Неужто какой-то принц неучтённый нарисовался?

— Ну, принц не принц, а мужчина видный, — с важным видом заверила фея. — Красив, богат, знатен. Без пяти минут герцог, между прочим. Ты нос-то не вороти, не вороти. Для таких, как мы, знатность мужа тоже значение имеет. Статусный муж и поможет, когда понадобится, и на нашем фоне не потеряется. Итак, — увидев, что «клиент созрел», она перешла на деловой тон и извлекла из воздуха перо и бумагу, — давай для начала заполним анкету.

— Ну, бюрократию-то зачем разводить? — возмутилась я.

Сама я такие анкеты своим подопечным сроду не давала. Зачем? К тому моменту, как фея является потенциальной крестнице или крестнику, она всё уже знает и так.

— Так положено. — В голосе феи послышалось неудовольствие. — Чтобы сюрпризов потом не было. Итак... — Она уселась за появившийся из ниоткуда стол, но меня-то такими фокусами не удивить. — Это понятно, это пропустим... Семейное положение — не замужем, происхождение знатное...

Тут я не удивилась. Нет, никаких королей или герцогов у меня в роду не было. Но феи сами по себе среди людей на особом положении, поэтому мы приравниваемся к знати в силу своей природы.

— Возраст...вносить не будем, — произнесла фея к моему немалому облегчению. — У людей представление о возрастных категориях несколько иное. Так... А теперь, — она соизволила, наконец-то, оторвать взгляд от бумаг, — опиши мне идеального мужчину.

Я округлила глаза. Вопрос совершенно меня огорошил. Но, к счастью, пришло воспоминание о сегодняшней лекции и о студентках, которые, в отличие от меня, задумываются над такими вопросами.

— На белом коне, — принялась перечислять я, — с рогами и хвостом. И ещё зубы должны быть хорошие.

На сей раз фея смотрела на меня очень долго, лишь изредка хлопая ресницами.

— Кто должен быть с хвостом? — сглотнув, решила уточнить она.

— Жених, — объяснила я. Немного подумав, добавила: — Но конь, в общем-то, тоже.

— А с рогами?

— Что же я, по-вашему, в биологии ничего не понимаю? — возмутилась я. — Коня от козла отличить не могу? С рогами только жених.

Фея смотрела на меня ещё дольше. Наконец, сделав в анкете какую-то пометку, снова заговорила:

— Ну, дарёному жениху, как говорится, в зубы не смотрят. Однако, насколько мне известно, у нашего жениха с зубами всё в порядке. Рога — дело наживное. Белый конь в конюшнях наверняка отыщется. А хвост... Будем считать, что это маленький безобидный недостаток. Так что, — подытожила она, — жених твоим пожеланиям вполне соответствует.

Я сцепила ладони, положила на них подбородок, и пристально взглянула на фею.

— Слушайте, давайте начистоту. Какая там у нас выходит совместимость?

— Высокая, — заявила она и демонстративно отвернулась.

— А точнее? — не поддалась я. — В процентах?

— А фея вовсе не должна отчитываться в таких скучных

подробностях перед подопечной.

— Послушайте, — я упёрла руки в бока, — я ведь и сама могу посчитать, если понадобится.

— Ну, восемьдесят три, — пробурчала фея. — Восемьдесят три целых триста двадцать семь тысячных процента, если быть совсем точной, — едко добавила она.

Я прикинула. В общем-то, совместимость действительно неплохая. Не сто процентов, конечно, но такого на деле почти что и не бывает. Наверное, и вправду стоит дать шанс такому развитию событий?..

— Ну хорошо, — сдалась я. — И что от меня потребуется?

— Только сходить на бал, — с невинным видом сообщила фея.

Настолько невинным, что я заподозрила: одним только балом дело наверняка не ограничится.

— Ладно, — тем не менее, согласилась я. — Оставьте мне приглашение, и я туда схожу.

— Вот оно, — мгновенно среагировала фея, извлекая из воздуха прямоугольный листок с золотистой надписью, выведенной на зелёном фоне. — Бал состоится сегодня в двенадцать.

— Что?! — возмущённо выдохнула я. — То есть как сегодня? Сегодня я не могу!

— Почему ещё? — нахмурилась фея. И голосом, полным скептицизма, уточнила: — У тебя что, на сегодня какие-то планы?

— Планы, — мрачно подтвердила я. — Выспаться. Мне завтра рано вставать, между прочим! У меня лекции!

Фея раздражённо покачала головой.

— Один раз не выспишься, ничего страшного с тобой не случится. Ради счастья в личной жизни можно и потерпеть... Что?! — возмутилась она вдруг. — Я же смотрела твоё расписание. Ты раньше одиннадцати вообще преподавать не начинаешь!

— В десять сорок пять, — педантично поправила я. — И это же начало занятий! А в университет надо попасть хотя бы на пятнадцать минут пораньше! А привести себя в порядок, одеться, собраться, подготовиться, позавтракать? Вот и получается, что встать надо в девять. Ну, в четверть десятого, — справедливости ради уточнила я. — А учитывая, как подолгу я засыпаю, времени на отдых выходит всего ничего!

В моей гостиной царила сейчас атмосфера полного отсутствия

взаимопонимания. Фея возмущалась несостоятельностью приведённого мной аргумента. Я возмущалась её нежеланием понять совершенно элементарные, с моей точки зрения, вещи.

— После бала устанешь и уснёшь быстрее!

Для убедительности она даже притопнула ногой.

— Да ничего подобного! — фыркнула я. — Как раз наоборот. От такой усталости засыпаешь ещё хуже. Впечатления, будь они неладны! Слушайте, у вас что, нервная система совсем непробиваемая? — изумилась я, сделав свои выводы из её непонимающе-непримиримого взгляда. — Что ж вы с такой в крёстные феи пошли? Надо было сразу в терминаторы.

Судя по злому взгляду, крёстная фея дошла до кондиции и была готова начать карьеру терминатора непосредственно с меня.

Я тяжело вздохнула, приняв решение не нагнетать обстановку ещё сильнее.

— Ладно, пойду я на ваш бал, — согласилась я, скрепя сердце. — Но только предупреждаю: на пару часов. Гулять до утра всё равно не буду. Меня студентки не поймут.

— Студентки тебя как раз очень даже поймут, — проворчала фея.

Впрочем, ворчала она исключительно для порядка, ибо моим решением была довольна.

— Только у меня ничего не готово, одежды подходящей нет, — спохватилась я.

— Не беда, — заверили меня. — Одежду я тебе устрою. На то я и добрая фея.

Три минуты спустя я стояла перед зеркалом, застыв так, словно меня не принарядила добрая фея, а заморозила Снежная королева.

— Что это такое? — медленно, с трудом ворочая языком, заставила себя спросить я.

— Платье.

Судя по интонации, фея была полностью довольна результатом своих трудов.

Я вновь уставилась на своё отражение. Вот это нечто, снятое, по всей вероятности, с любимой королевской болонки, — это платье?

— А тебе что, разве что-то не нравится? — изумилась фея.

Если бы у меня были хотя бы зачатки способностей Горгоны, она

бы точно окаменела под моим тяжёлым взглядом.

— Отличное платье! — убеждённо заявила она. — Самый писк моды.

— Писк моды? — мрачно переспросила я. — Отлично. А как насчёт того, чтобы подбирать наряд в соответствии с образом клиентки, вместо того, чтобы идти у моды на поводу? Что это за цветочки? — Я обличительно ткнула себя в грудь, указывая на искусственные цветы, украшавшие корсаж. — Мне уже давно не двадцать лет!

— Мужчинам необязательно об этом знать! — нашлась фея.

— Да? А этот розовый цвет? — Я указала на полосу ткани означенного оттенка чуть ниже груди. Вообще платье было белым, что также не приводило меня в восторг, но и вот такие вкрапления розового на нём тоже присутствовали. — Мне давно не четырнадцать, и уж об этом-то точно догадается любой кавалер!

— Послушай, — гостя тоже начала сердиться, — здесь я крёстная фея, а не ты. И мне виднее, как правильно одеть свою крестницу!

— Между прочим, я — профессионал! — возмутилась я.

— Между прочим, я тоже! — парировала фея.

— Тогда почему бы вам самой не отправиться на бал в таком вот платье? Так нет, сами, небось, прилично одеваетесь!

— А я, небось, и не невеста!

— Так я пока тоже. И такими темпами вряд ли когда-нибудь ею стану.

Я обличительно покосилась на её наряд, вполне соответствующий возрасту как по цвету, так и по фасону. Я же в своём нынешнем одеянии чувствовала себя отчего-то как домашний кролик, наряженный хозяйской дочкой в кукольное платьишко.

Однако же взгляд на часы вынудил нас прервать профессиональную дискуссию. Настала пора отправляться на бал, а я понимала, что если пропущу его сегодня, придётся отложить всю эту процедуру до следующего раза. Отстреляться прямо сейчас выйдет менее болезненно. Что ж, ладно. Если стараниями дорогой крёстной предполагаемый жених станет от меня шарахаться, тем лучше. Вопрос отпадёт сам собой.

— Как его хоть зовут, этого вашего жениха? — вздохнула я.

— Не моего, а твоего.

— Ладно. — Я сочла, что споры будут в данный момент

излишними. — Моего жениха как зовут?

— Похвальное любопытство, хотя и запоздалое, — одобрительно кивнула фея. — Маркиз Дарьен Корр.

Комментарий:

*быть Доброй Феей очень сложно
попробуй осчастливить всех
а тяжелей всего счастливить
коллег!*

Ну что ж, вот я и отправилась на встречу с господином Корром, который, по всей вероятности, об оной встрече даже не подозревал.

Бал, на мой скромный вкус, был устроен прекрасно. Впрочем, я — судья нестрогий, ибо посещать подобные мероприятия мне выпадает редко. Занятость высокая, да и вообще голова не тем забита. Однако же, слушая музыку, исполняемую отличными музыкантами, прогуливаясь по освещённому разноцветными фонариками парку, видя вокруг весёлые, искренне улыбающиеся лица, я чувствовала, что Мелюзина права. Мне определённо стоит хотя бы иногда выходить в свет. Ощущение праздника, даже ожидание чуда, царившее в атмосфере, невольно передавалось и мне.

Полупрозрачные крылья были широко расправлены за спиной: платье изначально подразумевало подобную демонстрацию собственной сущности. Заодно и вопрос того, кто я такая и как попала на бал, ни у кого не возникал. Время от времени мне встречались знакомые лица. Я поздоровалась с коллегой (кажется, единственной, кроме меня, феей в этом дворце) и время от времени приветственно кивала своим бывшим подопечным, теперь уже остепенившимся мужчинам и женщинам, счастливым в браке. Внутренне порадовалась, обнаружив здесь и принца с царевной Несмеяной. Стало быть, их разговор прошёл благополучно, и они решили продолжить общение таким вот образом. Вопрос того, как именно им удалось попасть на бал сквозь немалое расстояние, меня не тревожил. Королевства у нас маленькие, их много, и волшебное перемещение между всеми налажено вполне неплохо. Я и сама попала на этот бал, воспользовавшись магическим порталом.

Комментарий:

*быть Доброй Феей очень сложно
но среди праздничного гама
так важно вспомнить: Фея тоже
дама!*

Со мной здоровались, приветственно кивали, предлагали напитки, уступали дорогу — словом, относились весьма уважительно. Однако в том факте, что все присутствующие сходу узнавали во мне фею, имелись и свои недостатки. К примеру, спустя приблизительно полчаса после моего появления, ко мне приблизились две женщины. Вне всяких сомнений, это были мать и дочь. Об этом свидетельствовали схожие черты лица: форма носа и подбородка, разрез глаз, а также оттенок волос. Глаза, правда, были серыми у матери и карими у дочери, но ведь должно было дитя унаследовать хоть бы что-нибудь от отца. Последнего, к слову, поблизости не наблюдалось.

Несмотря на внешнюю красоту, мать производила не слишком приятное впечатление, ибо во всём её облике — взгляде, жестах, манерах — сквозило высокомерие и пренебрежительное отношение к окружающим. Со мной, впрочем, она заговорила весьма вежливо: всё же феи — это, с точки зрения высшего света, элита.

— Госпожа фея! — обратилась ко мне она, приветственно склонив голову.

— Госпожа—? — Я ответила тем же намёком на поклон.

— Меня зовут Силенция Брист. А это моя дочь, Артина.

Дама подтолкнула вперёд девушку, которой я бы дала где-то от шестнадцати до двадцати. Артина поздоровалась, но очень невнятно, поскольку её внимание было полностью сконцентрировано на пирожном — одном из тех, что в изобилии подавались сегодня гостям. Судя по комплекции барышни, она была равнодушна как к сладостям, так и к приёму пищи в целом.

— Госпожа фея, у меня к вам есть маленькая просьба, — заискивающе улыбнулась Силенция.

— Я вас слушаю, — сказала я, отдавая дань вежливости, хотя подобное начало разговора совершенно мне не понравилось.

— Я хочу сделать вам прекрасное взаимовыгодное предложение, — заявила она. — У меня есть для вас идеальная кандидатура на роль

крестницы.

— И какая же? — без малейшего энтузиазма спросила я.

— Вот. — Торжественно улыбаясь, Силенция подтолкнула ко мне поближе Артину. — Моя дочь.

Та, в свою очередь, не слишком интересовалась происходящим. С пирожным было покончено, зато теперь в руках девушки откуда-то материализовался нежный, воздушный кекс, покрытый сверху слоем шоколада.

— Взаимовыгодное предложение подразумевает, что в нём заинтересованы обе стороны, — отметила я. — И в чём же, по-вашему, заключается моя выгода?

Разумеется, выгода меня интересовала в последнюю очередь. Просто было любопытно понять логику обратившейся ко мне женщины.

— У меня отличные связи, — доверительно сообщила дама. — Я буду всем рассказывать, что именно вы устроили счастье моей дочери.

Энтузиазма у меня, ясное дело, не прибавилось.

— Госпожа Брист, я сейчас на отдыхе. И делами не занимаюсь, — сообщила я, надеясь, что на этом разговор будет закончен.

— Но вы же добрая фея! — Настойчивости даме было не занимать. — Вы не пройдёте мимо такого предложения!

— Видите ли, госпожа Брист. Дело в том, что феи не принимают заказы, — принялась объяснять я. — Обычно мы сами выбираем себе подопечных. Из тех, кто просто не смог бы устроить своё счастье без нашего вмешательства. К примеру, помогаем выбраться из нищеты, спастись из-под гнёта злой мачехи, одолеть проклятие злой ведьмы. И нашей крестницей может стать далеко не любая девушка.

— Конечно же, не любая! — энергично подхватила Силенция. — Но я и не предлагаю вам любую. Моя дочь — просто идеальная кандидатура! Взгляните сами. Она красива, изысканна, благородна, непорочна, обладает тонкой душевной организацией!

Я в очередной раз взглянула на Артину. В данный момент непорочная дева с тонкой душевной организацией безжалостно уничтожала кусок торта, которым, по-моему, запросто можно было бы накормить трёх менее изысканных барышень. Ничего, кроме сладостей, её по-прежнему не волновало.

— Вот и прекрасно, — натужно улыбнулась я, изо всех сил стараясь сохранить при этом добрый взгляд. — С такими достоинствами

ваша дочь с лёгкостью найдёт себе мужа сама, без помощи феи.

— Увы! — Силенция принялась резкими, нервными движениями обмахиваться веером. — Сегодняшняя молодёжь — совсем не то, что раньше. В моё время мужчины были куда более галантными. А эти, — она пренебрежительно поморщилась, — сами не знают, чего хотят. И с лёгкостью могут пройти мимо своего счастья.

Я мысленно рассмеялась. Положим, мимо своего счастья действительно может пройти любой. Однако меня всегда умиляло сетование на разницу между поколениями, которое раз за разом можно услышать из уст людей постарше. Даже сам факт, что эти сетования продолжают из десятилетия в десятилетие и из века в век, свидетельствует о том, что разница между поколениями далеко не так велика. Да, она есть, но больше связана с модой и общими веяниями времени. Сами же люди остаются точно такими же.

— Госпожа Брист, я действительно не могу вам помочь, — твёрдо сообщила я. — Вы можете воспользоваться услугами свахи.

— То есть как это не можете?! — возмутилась Силенция, тут же растеряв весь давешний налёт вежливости. — Да вы просто обязаны нам помочь!

— Почему это я вам чем-то обязана? — изумилась я.

Её святая уверенность даже не возмущала, а скорее умиляла.

— Потому что вы — добрая фея! — Силенция обличительно ткнула меня пальцем в грудь. — А добрые феи не отказывают людям в помощи!

— Ещё как отказывают, — фыркнула я. — А вы знаете, откуда берутся злые колдуньи? — Я сделала шаг в сторону Силенции, заставив её отступить. Артина продолжала меланхолично домучивать торт. — Злые колдуньи — это бывшие добрые феи, которые никогда никому не отказывали и в конце концов озверели.

— Это просто ужасно! — воскликнула Силенция, картинно заламывая руки и явно ориентируясь на зрителей, некоторое количество которых уже и правда собралось вокруг. — Такое пренебрежение к потенциальным клиентам! Такое неуважительное отношение к не последним в королевстве людям!

Я почувствовала, что моему терпению пришёл печальный конец. Не выдержав столь продолжительного общения с Силенцией, оно, оставив предсмертную записку, повесилось в моём мозгу, и теперь

разговор готовился перейти в совершенно иную фазу. Но тут у меня за спиной неожиданно раздался голос:

— Госпожа Брист! Вам же сказали, что госпожа фея здесь на отдыхе, точно так же, как и мы с вами. Простите, но ваше поведение выходит за рамки допустимого. Имейте смелось принять отказ.

Я обернулась и принялась с немалым интересом разглядывать выступившего против Силенции мужчину. Аристократические черты лица, чуть грубоватая линия подбородка, густые брови, крепкое телосложение. Он разговаривал с моей собеседницей жёстко, но одновременно как будто скучающе, — тон, какой нередко можно уловить в высшем свете. Своеобразная дань моде.

Вновь повернувшись к госпоже Брист, я поняла, что тут тоже было на что посмотреть. Силенция, явно вне себя от смущения, тяжело дышала, с такой силой сжав в руке веер, что я удивилась, как он ещё не треснул. Однако вступившийся за меня человек, по-видимому, занимал слишком высокое положение в обществе, чтобы ввязываться с ним в ссору. Поэтому Силенция, недовольно поджав губы, развернулась и зашагала прочь, громко стуча каблуками. Свою дочь она ухватила за руку и потащила за собой. Та не сопротивлялась, благо, что успела стянуть с подноса очередной пирожок.

— Благодарю вас, — улыбнулась я своему спасителю.

— Не стоит, — поморщился он. При этом, что мне импонировало, говорил искренне, а не, как это зачастую бывает, с плохо скрываемым бахвальством. Дескать, я скромно промолчу, но вы, конечно, должны обратить внимание, что я настоящий рыцарь, да к тому же ещё и скромный. — Мы с вами не знакомы, стало быть, полагаю, вы оказались здесь впервые. Так что считайте мой поступок нормальной поддержкой, какую оказывает новичку так сказать, завсегдатай. Тем более, по-моему, вы и сами отлично справлялись.

— Смотря с какой стороны посмотреть, — возразила я. — Думаю, ещё совсем немного — и я превратила бы госпожу Брист в лягушку.

— Чёрт, какая жалость, что я вмешался! — расстроено всплеснул руками мужчина. — Мне следовало умерить свой пыл и подождать ещё немного. Ни за что бы не упустил такое зрелище. Думаю, и все присутствующие бы обрадовались.

Неожиданно заиграла музыка. Вернее, полагаю, это было вполне предсказуемо на балу, но за последними событиями я как-то успела

подзабыть, где нахожусь.

— Вы позволите?

Собеседник галантно вытянул руку, приглашая меня на танец.

— Надеюсь, что я хоть что-нибудь вспомню, — вздохнула я, слегка покривив душой.

Я и правда почти не посещала балы, но танец был незамысловатый, так что особых сложностей не предвиделось.

— А что, госпожу Брист так не любят в здешнем обществе? — спросила я, запоздало возвращаясь к последнему, что сказал партнёр перед началом танца.

— Госпожа Брист ужасно извела всех своим стремлением выдать замуж дочь, — скривившись, просветил меня собеседник.

— Девушке можно посочувствовать, — искренне заметила я.

— Да ерунда всё это, — довольно-таки бескомпромиссно откликнулся он. — Она просто очень юна. Ещё пару лет — и она похорошеет, если, конечно, хоть немного придержит свою любовь ко всему съедобному. Единственное, что станет удерживать женихов, — это характер потенциальной тёщи. Но и эта проблема решаема, если владения будущего мужа будут расположены достаточно далеко. В идеале — в другом королевстве, — добавил он, немного подумав.

Я усмехнулась. Что ж, рассуждал мой партнёр по танцу вполне здраво. Любопытно, входил ли он в число пострадавших, которых пыталась заполучить себе в зятя Силенция? Наверняка. Мужчина он видный, положение в обществе явно высокое... Кстати, а какое? Кто он вообще?

— Не подскажете, как вас зовут?

Быть может, такой вопрос и прозвучал не вполне по-светски, но я ведь и не придворная дама, а крёстная фея. Профессии, прямо скажем, совершенно разные.

— Простите. — На этот раз мой собеседник испытал чувство искренней неловкости. — Как-то за разговором совершенно забыл о правилах хорошего тона. Дарьен Корр, к вашим услугам.

Долгие годы преподавательской деятельности вырабатывают идеальную выдержку и способность (при желании) держать лицо практически при любых обстоятельствах. Поэтому я ничем не продемонстрировала, что это имя мне известно. Вот так так... Предполагаемый жених? Неужто явившаяся ко мне фея и вправду знает

своё дело? Отчего-то до сих пор мне в это не верилось: уж слишком бредовой представлялась вся ситуация.

Я поймала на себе вопросительный взгляд и поняла: маркиз ждёт, что я представлюсь в ответ.

— Элрана, добрая фея, — сообщила я.

— Не знал, что добрые феи превращают докучливых собеседниц в лягушек, — усмехнулся он.

— Ещё как превращают — если довести их до белого каления, — заверила я.

Комментарий:

быть Доброй Феей очень сложно

хам на халяву так и прет

и пополняет население

болот

— И чем же вы занимаетесь всё остальное время? — полюбопытствовал Дарьен. — Судя по тому, что число лягушек на наших болотах не превышает норму, у вас явно есть и другие занятия?

— Занятий больше чем достаточно, — хмыкнула я. — Я преподаю на кафедре благородных фей, занимаюсь научным руководством, да и добрые дела, опять же, никто не отменял. Так что даже вздохнуть особенно некогда.

— Как и пойти на бал, — проницательно предположил Дарьен.

— На бал — ещё хуже, — усмехнулась я. — Сегодняшний случай — исключительный. Да что там бал, я даже на шабаш ведьм уже седьмой год выбраться не могу!

Партнёр по танцу помолчал, видимо, переосмысливая свои представления о добрых феях.

— Должно быть, это серьёзный повод для переживаний, — не без сарказма заметил он наконец.

— Конечно! — делая вид, будто не заметила иронии, подтвердила я. — Очень вредно не летать на шабаши, когда ты этого заслуживаешь.

— Чему же вы обучаете своих студентов?

В свете предшествовавшего этому вопросу разговора Дарьен явно ожидал от меня самого худшего, но тут я его разочаровала.

— Всему понемножку, — вздохнула я. — Творить добро,

высчитывать вероятность счастливого брака, понимать людей. Контактировать с нечистой силой раньше тоже учили, но ректор запретил, сказал, что мы почём зря спаиваем студентов на семинарах... Иногда факультативы веду — ну там, по прекрасным принцам, по злым мачехам, по белым коням...

Названия курсов и тем отскакивали от зубов, и на душе стало как-то тоскливо. Я люблю свою работу, но вроде же ведь на бал пришла, а разговор всё о том же. Похоже, собеседник почувствовал моё настроение, потому что внезапно интересным образом перевёл тему.

— Любопытно, и что же пьёт нечисть? — осведомился он.

— О, это кто как! — охотно откликнулась я. — Вот, например, леший — тот неприхотлив. Ему любое, хоть самое дешёвое пойло, лишь бы почаще наливали. Ведьмы, наоборот, с претензиями, им подавай красное вино самых лучших марок, ещё и не любой год подойдёт. Хотя, говоря откровенно, не такие у них изысканные вкусы, просто пыль в глаза пускают. Кикиморы сами гонят, из чего, лучше даже не знать. А вот чёрт и правда станет пить только самое изысканное, коньяк пятидесятилетней выдержки или ещё что-нибудь в этом роде.

Вот так, за интеллектуальным разговором, я даже позабыла о ходе времени. И чрезвычайно удивилась, когда услышала бой часов. Удивилась и вздрогнула, отыскав взглядом неумолимые стрелки.

— Ой! Было очень приятно пообщаться, но мне пора убегать. Простите!

Моя рука выскользнула из ладони кавалера, и я бросилась прочь мимо вереницы танцующих. Часы пробили во второй раз и укоризненно затихли.

— Эй! Вы куда?

Не уверена, что произвела на Дарьена такое уж неизгладимое впечатление. Скорее он просто не смог оставить без внимания столь странное поведение.

— Почему вы так спешно убегаете?

Он всё-таки меня догнал, но остановить благоразумно не пытался, вместо этого просто пристроился справа от меня. Гости озирались, провожая бегущую пару недоумевающими взглядами.

— У вас что, заклятие какое-то в два часа ночи теряет силу? — столь же недоумевающе спросил мой недавний кавалер, стараясь перекричать шум праздника.

— Хуже! — огорошила его я. — Гораздо хуже! Мне на работу рано вставать!

— Это...уважительная причина, — подумав на бегу, согласился предполагаемый жених. — И во сколько же вы начинаете преподавать?

— В полдень! — честно сообщила я.

Дарьен, несколько шокированный таким ответом, отстал. Я же ещё быстрее припустила по дворцовому коридору.

А что тут такого? Считаю, что стесняться мне нечего. Пока доберусь до дома, пока засну, будет уже ближе к четырём. Лекция — в 11:45. Встать, подготовиться, собраться — стало быть, будильник надо поставить часов на десять. В крайнем случае, на 10:15. Ладно, допустим, на 10:20. И сколько всего остаётся спать бедной уставшей фее? И если потенциальный жених не сможет этого понять, зачем мне тогда такой муж?

Комментарий:

*сбежала фея среди бала
заклятий чур не приплетать
ей на работу завтра рано
вставать!*

— Итак, тема нашего сегодняшнего урока — добро, — размеренно говорила я, проходя между партами.

Студентки отнеслись к заявленной теме в высшей степени несерьёзно. Тинкер украдкой погляделась в зеркальце, Фритта, думая, что я не вижу, на миг закатила глаза, а Моргана и вовсе недовольно поморщилась.

— И нечего так реагировать, — завила я, напугав подопечных своей наблюдательностью. Зеркальце сразу же исчезло где-то в недрах дамской сумочки, а Фритта и даже Моргана постарались изобразить заинтересованные взгляды. — Я вовсе не собираюсь распространяться здесь полтора часа о том, как важно быть добрыми, белыми и пушистыми. Что добро — это хорошо, а зло — совсем наоборот, что как аукнется, так и откликнется, и другие тому подобные тривиальные истины. Для того чтобы услышать всё это, а то и додумать самим, совершенно не обязательно поступать в университет. Я собираюсь говорить совсем о другом. А именно — о том, каким добро НЕ ДОЛЖНО быть.

Девушки оживлённо зашевелились. Пробудившийся во взглядах интерес на сей раз не был притворным.

— Итак, существует три важных правила, — продолжила я, удостоверившись, что в полной мере завладела вниманием своих учениц. — Правило первое: добро должно быть уместно.

Некоторые девушки непонимающе переглянулись.

— А разве добро может быть неуместным? — высказала причину всеобщего удивления Майя.

— Безусловно, — хладнокровно отчеканила я. — Творить добро надо исключительно там, где оно действительно нужно; в противном случае, результаты могут оказаться воистину разрушительными. В качестве примера представьте себе, что ваша соседка по общежитию готовит суп. У неё закончилась соль, и она попросила у вас две щепотки. Вы же горите неуёмным желанием помогать ближнему и творить добрые дела. Поэтому с радостью спешите ей помочь. Нужна соль? Ну конечно! Две щепотки? А почему так мало? Разве две щепотки могут удовлетворить страстное стремление к добру?! И вот вы, ведомые приступом недержания добра, извлекаете из-под стола целое ведро соли и начинаете сыпать её прямо в кастрюлю. Соседка сперва, остолбенев, ошалело вращает глазами, затем принимается махать на вас руками, кричать, а может быть, даже бить. Но маниакальная тяга к добрым делам неистребима, и вы высыпаете-таки всё ведро — сначала в кастрюлю, а потом, когда в ней уже не хватает места, соль сыплется прямо на плиту. Смейтесь? — Я обвела студенток суровым взглядом. — И совершенно напрасно. Знаете, сколько людей поступают именно по такому принципу? А затем жалуются на жизнь и удивляются, отчего люди — такие неблагодарные твари. Им же добро делают — ДАЖЕ без того, чтобы они об этом попросили. Так вот, девушки, такое добро сродни самолюбованию.

Комментарий:

*Быть Доброй Феей очень сложно
ведь не легко определить
сейчас уместно ль то добро
творить*

Заскрипели перья. Студентки делали записи на приготовленных для

этой цели листах. Очень надеюсь, что записывают они только суть, а не трогательную историю про соседку с солью. Впрочем, я отлично знала, что у каждого студента — своя манера делать записи на лекции. Одни записывают лишь ключевые выводы, другие — каждое слово, третьи — вообще ничего. Причём предсказать успеваемость студента по этому принципу совершенно нереально.

— Правило второе. — Немного постояв возле учительского стола, я вновь принялась размеренно вышагивать между партами. Не могу во время лекции стоять на одном месте, тем более — чур меня! — сидеть. — Добро должно быть выстраданным. Легко быть добрым и любить окружающих, когда от людей в жизни своей ничего плохого не видел. Не слышал дурного слова, не страдал от человеческой жестокости и безразличия, не познал боли предательства и обмана. Вот только такое добро мало чего стоит. А вы попробуйте любить человечество со всеми его пороками, насмотревшись и нахлебавшись того, на что это самое человечество способно. Не сможете? Ничего страшного, вас к этому никто не принуждает. Вот только в таком случае не надо изображать из себя добряков. Сумели? Вот тогда вы и есть воистину доброе существо.

Скользя взглядом по студенткам, я с лёгкостью ловила их реакцию. Моргана кривила губы так, будто речь шла не о людях, а о тараканах. Вот уж кто не будет мучиться угрызениями совести из-за того, что не сумел полноценно возлюбить человечество. Она и пытаться не будет. Тинкер и Фритта напряжённно хмурят брови, но это не слишком им помогает. Девушки пока ещё слишком непосредственны, чтобы по-настоящему осознать, о чём идёт речь. А вот Майя и Дейве слушают в высшей степени внимательно. Последняя даже забыла про приготовленное для записей перо, и оно бесцельно заскользило по бумаге, нарисовав неровную линию. Думаю, у этих двух студенток — самые высокие шансы овладеть настоящим, ненадуманым добром.

— Итак, не выстраданное добро сродни наивности, — припечатала я, прежде чем продолжить дальше. — И наконец третье правило. Добро должно быть мудрым. Отчего-то многие думают, будто доброе сердце с лёгкостью заменит здравый смысл. Однако помните: подставлять спину врагам, в тридцатый раз наступая на одни и те же грабли, — признак не доброты и всепрощения, а скорее отсутствия интеллекта. Подлинное добро не имеет отношения к идиотизму. Вот такие факты о добре я

хотела вам рассказать.

Таким образом подкинув будущим феям пищу для размышлений, я перешла к следующей теме.

Во второй половине дня, ближе часам к пяти, мне нужно было подвести кое-какие университетские бумаги помощнику мэра. Порталы ради такой ерунды практически никогда не открывали, так что отправилась я традиционным путём, в карете. О чём достаточно быстро пожалела. Ибо задолго до достижения пункта назначения, когда ехать оставалось не менее двадцати минут, что-то вдруг скрипнуло, пронзительно и чрезвычайно неприятно, царапая слух. Карета дёрнулась, будто на колдобине, и остановилась. Я приоткрыла дверцу как раз вовремя, чтобы услышать смачные и, естественно, нецензурные эпитеты, каковые кучер щедро раздавал экипажу, лошадям, дорогам и вселенной в целом.

Сказать по правде, использованные им выражения не слишком меня покоробили. Во-первых, поработай с моё со студентами — и не такое услышишь. Во-вторых, я не выпалась, хотела поскорее отделаться от своего поручения и отправиться пораньше домой. Так что готова была и сама выплеснуть свои эмоции в весьма похожей форме, и только природная сдержанность в сочетании со статусом преподавателя пока меня останавливали.

— Что там? — спросила я, имея в виду, разумеется, вовсе не родственные связи колеса и не те неприличные отношения, в которые мать оного (вероятнее всего, карета) вступила, похоже, со всеми окружающими предметами.

— Простите, госпожа фея, — взял себя в руки кучер. — С колесом проблемы, так его растак! Спица выскочила. В общем, чинить надо.

Я поджала губы. Ну, и что теперь делать? Идти пешком? Долго, да и сил я в себе на такой подвиг не ощущаю. Мне бы, наоборот, прикорнуть где-нибудь в уголке. Может, прямо в карете? Да нет, посреди улицы как-то неприлично. Махнуть рукой на все правила и открыть портал в мэрию? Я скривилась. Уж очень неразумная трата магического потенциала. Подождать здесь, пока починят?

Раздумывая, я вылезла из кареты и потянулась, распрямляя затекшую спину. Неподалёку успокоительно журчал установленный на улице фонтан. Из дверей дома, напротив которого мы застряли, вышел

лакей и чинно, но одновременно ускоренным шагом направился к нам.

— Госпожа фея? — Всё-таки какая-то польза от моих крыльев есть. В воздух не поднимают, но хоть опознавательным знаком служат. — Быть может, вам нужна помощь? Я могу прислать слуг, чтобы они помогли посмотреть колесо.

— Благодарю вас, — с искренней признательностью ответила я. — Это было бы очень кстати.

Лакей с поклоном удалился, а спустя минуту из дверей вышел его хозяин.

— Вот так встреча! — усмехнулся он, направляясь ко мне широким шагом.

В этот момент я была как никогда близка к тому, чтобы выразиться наподобие своего кучера. Вот только упомянула бы мать не колеса и спицы, а скорее некой крёстной феи, которая, как я теперь не сомневалась, устроила мне нынешнюю заминку. Как ещё объяснить тот факт, что я застряла не где-нибудь, а именно напротив дома маркиза Дарьена Корра? Случайное совпадение? Три раза «ха»!

— О, господин Корр, это вы? И вправду неожиданная встреча!

Признаться, я чувствовала себя в высшей степени неловко, опасаясь, что он решит, будто данное «стечение обстоятельств» было подстроено лично мной. Ух, поймаю одну фею и прямо не знаю, что ей устрою!

Комментарий:

*быть Доброй Феей очень сложно
добро непросто сотворить
и за него порой мечтают
побить*

От неловкости на лице выступил румянец, я ощущала его жаром на щеках.

— Что-то случилось с вашей каретой? — осведомился маркиз, и в его тоне мне почудился сарказм, словно он совершенно не верил в правдивость такого объяснения.

— Да, — подтвердила я, чувствуя, что щёки покраснели ещё сильнее. — Вот... с колесом какая-то проблема. — Я беспомощно развела руками. — Подробнее сказать не могу: совершенно не

разбираюсь в подобных вещах.

— А решить проблему при помощи волшебства?

Ну, всё. Он точно решил, что я специально подстроила случившееся, и теперь ищет в моей версии событий слабые места. Придушу крёстную фею собственными руками.

— Увы, — излишне агрессивно ответила я. — Мы, феи, не всемогущи. Для того чтобы починить колесо, пусть даже при помощи магии, необходимо понимать, что и как следует делать. Не обладая соответствующими навыками, не имеешь ни малейшего шанса решить проблему. Волшебство — это, знаете ли, не просто взмахнула палочкой — и всё готово. Этому надо обучаться, как и любому другому искусству. И лично я специализируюсь на работе с людьми, а не с колёсами.

И я оскорблённо поджала губы.

— Отчего вы так...напряжены? — Дарьен какое-то время подбирал последнее слово и, кажется, так и не остался полностью им доволен. — Вас что-то беспокоит? По-моему, колесо — недостаточная причина для волнений.

Я поглядела на него исподлобья, с трудом удерживаясь от желания совершенно по-детски ковырнуть носком землю.

— Говоря откровенно, я чувствую себя несколько некомфортно. Мне всё кажется, вы не поверите, что я застряла здесь случайно. Решите, что колесо — всего лишь предлог, а в действительности я остановилась возле вашего дома умышленно.

Маркиз поморщился и передёрнул плечами.

— По-моему, вы уже не юная девочка, чтобы страдать из-за такой ерунды. Прошу вас.

И он сделал пригласительный жест, предлагая мне пройти в дом.

Я насупилась, несколько обидевшись на фразу про «не девочку». Я, конечно, и вправду отнюдь не юна, но как-то не слишком корректно прозвучали его слова. Не по-джентельменски. Тем не менее, торчать на улице, пока слуги решают проблему с колесом, было глупо, так что я всё-таки направилась к дому.

— Что будете пить?

Дарьен принимал меня в гостиной на втором этаже. Солнечной благодаря двум широким окнам и обставленной мебелью светло-

зелёного цвета.

Я собиралась было попросить кофе с коньяком, но отчего-то в последний момент передумала и назвала вместо этого чай. Маркиз кивнул, и лакей поспешил на кухню, дабы выполнить распоряжение.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если сам я выберу другой напиток? — осведомился Дарьен, подходя к шкафу и открывая стеклянную дверцу, за которой стояло несколько бутылок несомненно дорогого алкоголя. — Признаться, я равнодушен к чаю, а в это время суток предпочитаю бокал белого вина.

— Мне совершенно безразлично, что вы пьёте, — пожала плечами я, отлично осознавая, что мой ответ не вполне вежлив. Но я всё ещё злилась на маркиза за бестактность.

Однако он воспринял мой выпад неожиданно позитивно.

— А вот это очень хорошо.

С этими словами он наполнил свой бокал — не как положено, на две трети, а почти до краёв, — и возвратился ко мне.

— Почему же?

Я невольно испытала прилив любопытства.

Дарьен вздохнул и опустил на столик пузатый бокал, вино из которого успел лишь слегка пригубить.

— Видите ли, Элрана, — заговорил он, задумчиво глядя на слегка покачивающуюся жидкость. — Мне сорок два года. Я унаследовал серьёзный титул и в ближайшее время унаследую ещё один, даже более серьёзный. И отлично осознаю, какую ответственность накладывают эти обстоятельства.

Я слушала с искренним интересом, хоть и немного недоумевая, как соотносится его рассказ с желанием или нежеланием некой гостьи знать, что именно пьёт в это время суток хозяин дома.

— В двух словах, мне следует жениться и обзавестись законным наследником, — продолжал маркиз, снова взяв в руку бокал. — Официальный «сезон охоты» я, конечно, не объявлял, — усмехнулся он, — но присматриваться к окружающим женщинам начал. — Степень моего интереса становилась всё выше. — Так вот, из тех женщин, с кем я начинал общаться с намёком на это направление, решительно все, без малейшего исключения, практически сразу принимались давать мне советы. А также их мамы, няньки, двоюродные тётки и прочие сопровождающие (а без сопровождающих юные девицы на выданье в

гости не ходят и вообще с холостыми мужчинами не общаются). И вот к середине каждой такой встречи начинается поток ценных указаний. Пить белое вино до четырёх часов дня вредно для здоровья. Вам бы пошёл камзол на три дюйма длиннее. Камин должен располагаться на два ярда севернее. Даже если при этом он окажется в центре комнаты, — прокомментировал он, заставив меня рассмеяться. — И так далее. Складывается впечатление, будто я должен незамедлительно бросать любые дела и мчаться перешивать, переставлять и перестраивать всё, что имеет хоть малейшее отношение к моей персоне. А ведь это только самое первое свидание! И что же будет, если эта женщина станет моей женой? Мне даже страшно об этом подумать. В итоге до второго свидания дело, как правило, не доходит. Терпеть не могу, когда мне указывают, без спроса дают советы и вообще пытаются решать что-либо за меня.

Он залпом допил содержимое бокала.

— А вдруг белое вино и вправду вредно?

Поймав взгляд резко поднявшего голову Дарьена, я подчёркнуто невинно похлопала глазками. Поняв, что это была всего лишь шутка, он рассмеялся, но смех вышел несколько натужным.

— На самом деле всё не так уж и страшно, — заметила я, инстинктивно принимая наиболее привычную для себя роль — роль крёстной феи. — Возможно, они просто так страстно хотят выйти за вас замуж, что всеми силами пытаются доказать свою нужность. А также заботливость и наличие вкуса. То есть продемонстрировать то, чего вы — как они полагают — ожидаете от хорошей жены. Быть может, на самом деле им глубоко плевать на размер вашего камзола и, уж тем более, расположение камина. Им всего лишь хочется, чтобы вы увидели в их лице потенциальных хозяек.

Маркиз покрутил в руке опустевший бокал, держа его за тонкую ножку.

— Может быть, вы и правы, — признал он затем. — Откровенно говоря, я никогда не задумывался об этом в таком ключе.

— Взглянуть на ситуацию с позиции противоположной стороны вообще бывает полезно, — поучительно заметила я.

И уже собиралась предложить ему свои услуги в качестве крёстной феи. Почему бы не найти человеку хорошую девушку? Но потом вдруг припомнила, при каких обстоятельствах познакомилась с ним сама, а

также о том, кто и, собственно, зачем меня сюда привёл... и решила временно попридержать свои профессиональные порывы.

— Тем не менее, в упомянутых мною обстоятельствах безразличие к тому, что именно я пью, делает вас почти идеальной женщиной, — с усмешкой заключил Дарьен.

— О, это что! — рассмеялась я. — Мне ещё и безразлично, как вы одеваетесь! Поверьте, после всех тех студенческих нарядов, которые мне довелось повидать, у вас нет ни малейшего шанса ни удивить меня, ни тем более шокировать. Даже если вы обреете голову налысо, а на шею наденете ожерелье из мышиных черепов.

Я, наконец-то, почувствовала себя достаточно расслабленно и комфортно, чтобы вольготно устроиться на своём диванчике.

— Ну, если вам ещё и всё равно, где стоит камин, то вы — просто идеальная женщина, — развёл руками маркиз.

Я задумалась.

— Главное, чтобы он находился непосредственно под дымоходом, — вынесла свой вердикт я.

— Вот видите, стало быть, небольшое условие всё же есть, — рассмеялся он.

— Нет в мире совершенства. — Я притворно вздохнула.

В дверь постучались, и слуга, вошедший лишь после разрешения Дарьена, объявил:

— Карета госпожи феи готова.

Кажется, хозяин дома был не слишком доволен такой расторопностью своих подчинённых. Однако я поспешила соскочить с дивана. Как известно, дело не ждёт, а мэрия вполне могла в скором времени закрыться до завтра. Да и злоупотреблять импровизированным гостеприимством не хотелось: хорошего понемножку. Общение оказалось вполне приятным, но на сегодня, пожалуй, достаточно.

Маркиз проводил меня до кареты и даже помог подняться на ведущую внутрь ступеньку.

— Кстати, удалось ли вам сегодня выспаться? — не без ехидства спросил он меня по пути.

— Нет, — откровенно и ни капли не смущаясь ответила я.

— Очень жаль, — посетовал Дарьен. — Надеюсь, завтра вы начинаете преподавать не столь рано?

— Господин маркиз, — я повернулась к нему с лукавой

улыбкой, — неужто вы собираетесь дать мне *совет* касательно того, в какое именно время мне следует вставать по утрам?

Я особенно выделила интонацией слово «совет». Дарьен намёк понял и, следует отдать ему должное, рассмеялся. По правде сказать, я бы на его месте выдала в ответ «Что вы, что вы, я всего лишь собирался посоветовать вам вставать *по утрам*». Но — и тут я снова отдам маркизу должное — ничего подобного он не сказал.

Все свои дела я привыкла доводить до конца, а дело принца и царевны законченным пока не считала. Да, судя по их присутствию на балу, первое знакомство прошло вполне удачно, но это ещё, мягко говоря, не гарантия счастливого итога. Поэтому я договорилась с принцем о встрече, дабы выяснить дополнительные подробности и, исходя из них, решить, как действовать дальше. Встречу я назначила принцу, а не царевне, поскольку именно его считала своим подопечным. Всё же это он пришёл ко мне в дом с просьбой о помощи, не побоявшись гнева разбуженной феи.

Вновь приглашать его к себе домой не хотелось: не такой уж у меня там порядок, да и вообще место не вполне подходящее для деловых встреч. Нередко в подобных случаях я беседовала с подопечными в своём университетском кабинете. Но побоялась, что у принца успела выработаться аллергическая реакция на заведение, в котором ему заглядывают в рот и разыскивают на копчике хвост. Заявляться в его дворец тоже не хотелось, так что в итоге мы договорились встретиться на нейтральной территории. А поскольку припозднившееся немного лето, наконец-то, вступило в свои права, я остановила свой выбор на природе.

В итоге мы встретились недалеко от города. Место было вполне удачным. С одной стороны, так сказать, «в чистом поле» (хотя скорее на лугу), то есть ничего предосудительного или интимного. С другой, путников мало, подслушать беседу нереально, так что мы имели возможность поговорить спокойно. А заодно и по свежей зелёной траве походить не зазорно, чем я незамедлительно и занялась, первым делом разувшись.

— Ну что, как прошло свидание с царевной? — спросила я у принца.

Тот разуваться по моему примеру не стал, зато с удовольствием сел

прямо на землю, наполовину утонув в высокой траве. Его конь, непривязанный, гулял поблизости и с удовольствием эту самую траву пощипывал.

— В общем-то, неплохо, — ответил принц, — задумчиво рассматривая покачивающийся на ветру колосок.

— А точнее?

Когда это необходимо, я умею быть весьма дотошной.

Он медленно пожал плечами.

— С ней приятно поговорить. Она умна, рационально мыслит, у неё хороший вкус. В общем, мы нашли общий язык. Брак без дурацких шутовских фокусов её более чем устраивает, так что, по-видимому, всё сложится как нельзя лучше.

— Но о большой любви с первого взгляда речи не идёт? — заключила я.

— Не идёт. — Принц ни на мгновение не усомнился в своём ответе. — Но, знаешь, я на брак по большой любви особо и не рассчитывал. Несмеяна, насколько я понимаю, тоже. Так что тут всё как раз нормально. У нас жизненные позиции похожи, неприязни мы друг у друга тоже не вызываем, так что, думаю, со временем брак может получиться вполне себе счастливым.

— Может, — согласилась я.

Не могу сказать, чтобы мне сильно нравилось такое развитие отношений у моих подопечных. Но, с другой стороны, принц прав: в королевских семьях своя специфика. Прав он и в другом: с имеющимися у них исходными данными счастливый брак действительно реален. Звучит неромантически, но принцип «стерпится, слюбится» никто не отменял. Вот только работает этот принцип отнюдь не для тех молодожёнов, которые ненавидят друг друга или попросту не имеют друг с другом ничего общего. А именно в таких случаях, как у принца и царевны. Общих интересов достаточно, оба подходят к жизни рассудительно, минимальная взаимная симпатия есть. Года через три они могут оказаться более счастливой парой, чем те, кто на сегодняшний день глядят друг на друга с обожанием.

— Жалко её, правда, — проговорил неожиданно принц. — Ну, из-за проклятия.

Ага, стало быть, и об этом ему Несмеяна рассказала. Что ж, начало отношениям и впрямь положено неплохое.

— Ваша встреча, стало быть, никак на колдовство не повлияла? — на всякий случай уточнила я.

Хотя и так было понятно, что нет.

— Не повлияла.

Принц рассеянно наблюдал за пчелой, подлетевшей к ближайшему колокольчику. Цветок раскачивался на ветру, и потому насекомому никак не удавалось добраться до возжеленного нектара.

— А тебе это мешает?

Я, в отличие от принца, наблюдала не за природой, а за своим собеседником. И весьма внимательно, поскольку из мимики и жестов можно порой почерпнуть куда больше, чем из значения произнесённых слов. Даже столь неожиданный интерес к миру пчёл — и тот много о чём свидетельствовал.

— Мне — нет, — откликнулся принц. — Какая мне, в общем-то, разница, будет моя жена смеяться или нет. Но саму её жалко. Ей ведь не всё равно. Мне даже показалось, что заиклена она на этой теме больше, чем нужно. Впрочем, может, я и неправ. Так или иначе, я предложил ей разойтись, чтобы она смогла дождаться того, кто снимет заклятие. Она отказалась.

— Отказалась? — Я склонила голову набок.

Принц кивнул. За пчелой он уже не следил, но взгляд по-прежнему был отсутствующий.

— Отказалась, — неспешно повторил он. — Говорит, что ждать такого человека ей уже надоело. Да и не дождётся, скорее всего, темперамент, мол, не тот. В общем, мы договорились ещё три раза встретиться, прежде чем официально объявить о решении вступить в брак. Пообщаемся, немного приглядимся друг к другу. Если увидим, что всё идёт хорошо, отметим помолвку.

— Ну что ж, во всём есть свои плюсы, — оптимистично заявила я. — Зато, если твоя жена однажды засмеётся, ты будешь точно знать, что тебе наставили рога.

— Ага, и тогда у меня появятся шансы реабилитироваться в глазах твоих студенток, — поддержал мой оптимистичный настрой принц.

— Зря ты на них обижаешься. — Я уклонилась от летевшей прямо на меня мошки и помахала перед лицом рукой, чтобы она не вздумала возвращаться. — На самом деле ты им понравился.

— Я заметил, — расхохотался принц.

— Да нет, правда, — настаивала я. — Просто...ну...такие они девчонки. К ним надо привыкнуть.

— Что-то подсказывает, что я без этого обойдусь, — продолжал веселиться он.

Понимая, что разговор о делах завершён, я легла на траву и устремила взгляд в небо, по которому неспешно плыли редкие, но очень объёмные облака. Очертания одного из них немного напомнили крылья, и это заставило меня захихикать.

— О чём вспомнила? — любопытствовал принц.

Сам он лечь, как я, не стал, но откинулся назад и повернулся набок, опираясь на один локоть.

— Ко мне крёстная фея приходила, — призналась я.

— Зачем? — не понял принц.

Не иначе, решил, что для светской болтовни или по обмену опытом.

— Замуж меня выдать решила, — со смешком сообщила я.

Принц приподнялся повыше и в течение нескольких секунд вглядывался в моё лицо, хмуря брови. А потом громко расхохотался. Я последовала его примеру, тем более что предпосылки к такой реакции на собственные воспоминания у меня были и прежде.

— Что, фея к фее? — уточнил принц, отсмеявшись.

— Ага. Я в зеркало смотрю, а фей — две! Смотрю — и сама не знаю: то ли у меня раздвоение личности, то ли белая горячка!

— Ну, что-то мне подсказывает, что белой горячки от кофе с коньяком не бывает, — возразил он. — Так что остаётся раздвоение личности. Вряд ли ты пьёшь алкоголь литрами.

— Давненько не пивала, — призналась я. — Такое только на шабашах с ведьмами хорошо идёт, но я с ними сто лет не сидела по-человечески...

— А сейчас что же, времени не хватает?

— И времени, — подтвердила я. — Да и потом... Стоит подумать о том, как завтра голова болеть будет, и пить не хочется. Вот годы уже не те.

— Да ладно, сколько тебе там? — фыркнул принц. — Лет семьдесят?

— Пятьдесят! — поправила я, гордо подбоченившись.

Вообще-то, пятьдесят два, но кому нужны такие точности? Мы же

не в бухгалтерии, право слово!

— Пф! — вынес свой вердикт принц. — Тогда вообще о чём говорить? Пятьдесят лет для феи — это же, если перевести на человеческие мерки, небось, не больше тридцати!

— Больше-не больше, но уж не девочка, — припомнила я недавний разговор с Дарьеном.

— И что с того? Самый золотой возраст! — стоял на своём мой нынешний собеседник. — Характер сложившийся, обучение закончилось, хвостов у принцев уже не ищешь, зато вся жизнь впереди.

— И ничего уже не хочется, — хмыкнула я.

— А что ж тогда фея приходила?

— А у неё свои взгляды на жизнь, — пожала плечами я. — Решила выдать меня замуж и пинком отправила на бал, чтобы познакомить с женихом.

— Ах, вот оно что! — воскликнул принц и удовлетворённо кивнул, будто у него в уме наконец сложились детали головоломки. — Поэтому ты была на том балу?

— Ну да. — Я болезненно поморщилась. — Разряженная, как чучело.

— Вовсе нет.

— Только не надо щадить мои чувства! — отмахнулась я. — Я, знаешь ли, не первый год живу на этом свете и от подобных вещей не сильно страдаю. А то белое нечто, в которое меня нарядила «добрая» крёстная, за нормальный наряд никак не сойдёт.

— Наряд как наряд. — Принц, судя по выражению его лица, не понимал суть моих претензий. — Не только белый, кстати. Там вроде бы ещё что-то розовое было.

— Тем хуже, — желчно выдохнула я. — Самое оно для университетского преподавателя.

Я поёжилась, будто от холода, хотя подлинная причина заключалась в воспоминании о платье.

— Ах, вот в чём дело! — щёлкнул пальцами принц. — Теперь понятно. Ты смотришь на этот наряд в другом ключе. Конечно, для профессора, читающего лекцию, он не подходит. Но для незамужней-то женщины на балу — в самый раз.

— А для незамужнего профессора на балу? — решила уточнить я.

— Сложный вопрос! — рассмеялся он в ответ. — Но мы

отвлеклись. Так что за жених? Это тот, с которым ты танцевала?

— Ну да. Маркиз Дарьен Корр, — сообщила я, будто твердила на экзамене зазубренный текст.

— Я с ним незнаком, — сказал принц, задумчиво разглядывая проплывавшее мимо облако. — И как он тебе?

Я пожала плечами. Сказать по правде, более точного ответа у меня не было, но, понятное дело, вопрос предполагал дополнительные подробности.

— Вроде бы неплох. Зрелый мужчина, неглупый, прямой — правда, иногда сверх меры, но для меня это, в общем, ближе к плюсу, чем к минусу. Сама не без этого. Общий язык мы вроде бы нашли, да и совместимость у нас высокая — восемьдесят три процента. Это очень хороший показатель.

— И всё? — выжидательно спросил принц.

Я приподняла брови в знак непонимания. Какого дополнения он ожидает?

— Стало быть, о любви с первого взгляда речи не идёт? — уточнил принц.

— Ну, какая любовь с первого взгляда у феи моего возраста, уже повидавшей жизнь? — призвала его к логике я. — Просто нормальный человек, которого я, кажется, могу уважать, который не вызывает во мне отрицательных эмоций и с которым мы во многом похоже мыслим. Это, знаешь ли, совсем не мало.

— Не мало, — задумчиво подтвердил принц, вертя в руке сорванную травинку. — Я с ним не знаком, честно сказать. Видел там, на балу, но не более. А ты информацию про него собрала?

— Какую такую информацию? — удивилась я.

— То есть как «какую»? — Принц, похоже, удивился ещё сильнее. — Биографию, послужной список, если имеется. Где жил, чем занимался, какие имеет склонности, нет ли дурных привычек, был ли замечен в нечистоплотных интригах, преступлениях, государственных переворотах, да мало ли? Может, он убийца, конокрад или сексуальный маньяк!

— Вот спасибо тебе большое! — Подозрительность принца чрезвычайно меня повеселила. — Ты хочешь сказать, что у меня может быть восемьдесят процентов совместимости с сексуальным маньяком?

Принца такая постановка вопроса не смутила ни капельки.

— Почему бы и нет? — невозмутимо отвечивал он. — На эти самые восемьдесят процентов он может быть обаятельным молодым человеком, который обожает кошек и читает сентиментальные романы.

— Вот как раз если бы он читал сентиментальные романы, у нас никак не могло бы возникнуть такой высокой совместимости, — съязвила я.

Но принц, похоже, не был настроен иронизировать.

— Значит так, — заявил он, поняв, по-видимому, как всё запущено, и решив взять инициативу в собственные руки. — Я сам займусь проверкой. Соберу всю нужную информацию на этого Корра и дам тебе знать. А ты до тех пор слишком сильно ему не доверяй. Ну, я не говорю совсем уж от него прятаться, — добавил он, видя мой скептический взгляд. — Просто веди себя поосторожней. Не давай обещаний, не встречайся с ним в уединённых местах и ни в коем случае ничего не подписывай.

Не могу сказать, чтобы теории принца произвели на меня большое впечатление. Сама я его подозрительности не разделяла. Но принципиальных возражений не имела, так что спорить не стала. Мы сошлись на том, что снова встретимся через несколько дней. Тогда принц расскажет мне, как продвигаются их матримониальные планы с царевной, а заодно просветит касательно результатов предпринятого им по собственной инициативе расследования.

Комментарий:

быть Доброй Феей очень сложно!!!

пристраивай чужих девиц —

а ведь самой бы пригодился

сей принц!

На следующей неделе мы дважды встречались с Дарьеном, теперь уже не «случайно». Говоря точнее, без помощи моей крёстной феи. Разговаривали, гуляли по парку, сходили в ресторан. Итогом этих встреч стало сделанное мне маркизом предложение. Немного поспешно, однако учитывая наш недавний разговор, не могу сказать, чтобы была прямо уж шокирована подобным поворотом. Памятуя о нашей договорённости с принцем, окончательного ответа не дала, пообещала подумать, однако же намекнув, что ответ, по всей видимости, будет

положительным.

А в скором времени произошло ещё одно значимое событие. Пожалуй, существенно более значимое, нежели какое-то там предложение руки и сердца. Я снова начала летать. Никак не ожидала, что такое опять со мной произойдёт, полностью убеждённая, что способность подниматься в воздух навсегда осталась в юности. Но крылья оказались совершенно иного мнения на этот счёт, и однажды, пребывая в чрезвычайно хорошем настроении, я сама не заметила, как оторвалась от земли. А когда заметила, безумно удивилась. А после того, как первая волна удивления отступила, безумно обрадовалась. Я могу летать!

Я сделала круг над лугом, по которому в тот момент гуляла, не поднимаясь слишком высоко. Затем рискнула взлететь повыше и совершила ещё один, маленький, круг. Затем решила опуститься на землю. Это было самое страшное — ведь вдруг подняться повторно уже не выйдет? Но нет, я снова взлетела, на этот раз запланированно, и снова всё получилось. Конечно же, в тот день я была вне себя от восторга.

Вот и задумала я на радостях не ограничиваться, как обычно, простеньким обедом, а приготовить что-нибудь посущественнее. Например, рагу. Мясо, картошка, овощи и всяческие специи.

Взялась за дело серьёзно. Подготовила продукты, отыскала нож покрупнее и поострее, большую-пребольшую кастрюлю и приступила к процессу. Но как следует сосредоточиться на «правильном женском занятии» — приготовлении пищи — мне не дали. Постучали в дверь.

Вытерев руки о кухонное полотенце и поправив выбившуюся из хвостика прядку волос, я пошла открывать. Возникло ощущение дежавю: на пороге стоял принц.

— Заходи, — первым делом пригласила я. И только потом спросила: — Что-нибудь случилось?

С Несмеяной они поссорились, что ли? Или совет какой срочно понадобился?

— Нет, всё хорошо, — развеял мои сомнения он. — Просто хотел кое о чём поговорить.

— Ну, хорошо, — улыбнулась я, немного успокоившись. — Тогда проходи на кухню. Ты уж прости, что я тебя каждый раз там принимаю, — повинилась я по дороге. — Как-то так выходит. У меня

вообще дом не вполне приспособлен к приёму гостей, а тут я ещё готовку затеяла.

Принц выставил руки ладонями вперёд, сопроводив этот жест укоризненным взглядом. Дескать, ему совершенно всё равно, в каком именно помещении я стану его принимать, и извиняться тут не за что.

— Рассказывай! — предложила я, усаживая гостя на стул и возвращаясь к досточке, на которой нарезала ингредиенты будущего рагу.6с8се3

— В общем, так, проверил я этого твоего Корра.

Это заявление, произнесённое серьёзным, деловым тоном, малость сбило меня с толку. До того момента я пребывала в полной уверенности, что принц пришёл поговорить о своих собственных делах. Говоря точнее, о своих отношениях с Несмеяной, либо каких-то технических трудностях, связанных с их будущим браком.

— И что? — спросила я, ещё не окончательно сориентировавшись.

— Всё в порядке, — сообщил принц. — Ни в чём по-настоящему компрометирующим Дарьен Корр замечен не был. Святошей, конечно, не жил, но это не преступление. Как ты и упоминала, прямолинеен, что привело к некоторым обидам, но ничего серьёзного. Да и вообще, сама понимаешь, на маркизов (да ещё и без пяти минут герцогов) подолгу не обижаются. А так, в остальном, вроде бы отличный парень. Можешь брать.

Я усмехнулась.

— Вообще-то он мне предложение сделал.

— А ты что?

— А я пока вроде как думаю. Ну, а у вас что с Несмеяной?

— Встретились несколько раз. Так что, по логике вещей, до помолвки уже недалеко.

— Поздравляю.

— Взаимно.

Нарезанный кубиками картофель отправился в кастрюлю, и наступила очередь мяса.

— Хочешь рагу? — спросила я у принца.

— С удовольствием, — воодушевлённо ответил тот.

— Отлично. Только тебе придётся подождать часа полтора.

Я взяла нож покрупнее и приступила к нарезке мяса.

— Когда мне будет грозить голодная смерть, к тебе я не

обращусь, — со смешком заключил принц.

— Зато это будет вкусно, — заступилась сама за себя я. — Наверное.

И я с остервенением принялась распиливать мясо, которое ни резаться, ни пилиться, ни вообще разделяться каким бы то ни было образом на части почему-то не желало. Вскоре первая победа оказалась за мной, но это было только начало.

— Помощь не предлагаю, поскольку в кулинарии не понимаю ровным счётом ничего, — заявил принц, вольготно рассевшись на кухонном стуле.

Мне стоило большого труда удержаться от замечания о том, что сама я понимаю в оной не намного больше.

Мясо с трудом, но поддавалось, однако мой благородный кулинарный порыв вновь был бесцеремонно прерван стуком в дверь.

Раздражённо рыкнув, я пошла открывать. На пороге стоял мальчишка лет двенадцати, в помятых штанишках, рубаше, рукава которой были закатаны из-за жаркой погоды, и почему-то страшно запуганный.

— З-здравствуйте, — заикаясь, произнёс он. — А я добрую фею ищу.

— Я это, — отозвалась я, вновь с ощущением дежавю. — Что нужно?

— А... — Мальчик сглотнул, опуская взгляд, и спросил: — А это точно вы?

Да что его так напугало? Я тоже опустила глаза на собственную руку, в которой держала большой острый нож, только что использовавший для резки мяса, и на свою юбку, забрызганную красными пятнами.

— Я — добрая фея, я, — заверила я ребёнка. — Ну, подумаешь, с окровавленным ножом? С кем не бывает. Каждый творит добро по-своему.

Последним предложением я хотела сказать, что приготовить рагу, дабы накормить друзей, — это тоже своего рода добро. Но мальчик, кажется, понял меня как-то иначе.

— В-вам сообщение из университета просили передать, — взволнованно и стараясь держаться от меня на сносом расстоянии сказал он. — Госпожа Мелюзина просила передать, что вас ректор

срочно вызывает.

— Ну вот. Сделала рагу, называется, — тяжело вздохнула я.

— Можно я пойду? — спросил посыльный, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Можно.

Закрыв дверь, я развернулась и поплелась на кухню.

— Я всё слышал, — сразу же сказал принц.

— Рагу отменяется, — подытожила я.

— Да ладно. Я уже догадался. Часто такое бывает, чтобы тебя срочно вызывали?

— Очень редко, — мотнула головой я, выхватывая из шкафа чистое полотенце. — Даже не припомню, когда в последний раз.

— Может быть, тебя подвезти?

— Да нет, у меня своя карета.

Очень надеюсь, что уж на этот-то раз никаких сюрпризов от крёстной не будет.

— Ну, хорошо. Тогда удачи!

Распроставшись с принцем, я поднялась на второй этаж. Быстренько приняла душ и переоделась, после чего поспешила в университет.

Подъехать непосредственно к зданию университета было нельзя. Кареты приходилось оставлять у ограды, а дальше идти пешком через небольшую парковую аллею и следовавший за ней двор. Вот тут-то я и повстречала Мелюзину. Она сидела на скамейке и явно внимательно следила за дорогой, поскольку вскочила на ноги, стоило мне появиться в поле её зрения.

— Элрана, вот и ты! — облегчённо воскликнула она. — Наконец-то!

— Что случилось? — обеспокоенно спросила я, не сбавляя шаг и рассчитывая, что коллега присоединится ко мне. — Ореол Гулливерович ждёт?

— Уже нет.

Мелюзина схватила меня за руку и потянула к себе, заставив остановиться и обернуться.

— Он пообещал ближайшие сутки не вмешиваться и предоставить это дело нам. Но если мы не справимся, вот тогда мало не покажется никому.

— Так о каком деле-то идёт речь?

Я совсем разнервничалась от таинственности и недомолвок. По мне, так лучше сказать всё сразу в лицо, какой бы сильной ни была неприятность. Всё лучше, чем ходить вокруг да около в стремлении не шокировать слушателя сразу, пытаясь морально подготовить, и доводя беднягу такой заботой до инфаркта.

— Ты на карете? — спросила Мелюзина вместо того, чтобы поделиться хоть толикой информации.

— Да.

— Тогда едем!

Снова схватив меня за руку, фея устремилась к университетской ограде.

— Куда?

Возражать я, невзирая на собственное неведение, не стала, и побежала вместе с ней.

— В тюрьму! — крикнула на ходу коллега.

Я судорожно сглотнула, но скорости не убавила.

— Зачем мы так туда торопимся? — Запрыгнув в карету, я всё-таки позволила себе проявить любопытство.

Кучер, прежде любезно распахнувший нам дверь, теперь плотно её закрыл и, получив указания, вскочил на козлы.

— Значит, так. — Мелюзина судорожно вздохнула и опустила руки на колени, готовясь давать объяснения. — Наших девочек арестовали.

— Кого именно? — мгновенно напряглась я.

Мелюзина посмотрела на меня с сочувствием.

— Весь твой курс.

— Что?! — Я взвыла так, что кучер даже замедлил скорость, засомневавшись, не являлся ли мой возглас попыткой призвать его остановиться. Но, не услышав повторных призывов, продолжил путь. — Всю группу?

Теперь я говорила чуть тише, но градус моего удивления и возмущения это не понизило.

— Всю, — горестно подтвердила Мелюзина.

— За что?

— За колдовство в неподобающем месте и нарушение общественного порядка.

— Колдовство в неподобающем месте? — У меня вытянулось

лицо. — Что за чушь?!

Мелюзина вздохнула. И то, как она это сделала, мне не понравилось. Чувствовалось, что она, хоть и разделяет мои чувства, видит в обвинении зерно истины, о каковом мне пока известно не было.

— Вообще-то в уставе существует такой пункт, — просветила меня она. — Я проверила. К этой формулировке почти никогда не прибегают, но в данном конкретном случае... Видишь ли, там были причины.

— Где всё это происходило?

Я решила взять быка за рога и разобраться в произошедшем путём наводящих вопросов.

— В центральном парке.

— Они там колдовали?

Даже если так, я всё ещё не видела в этом большого греха. Было очевидно, что дело не в самом факте, а в подробностях.

— Да. Хотели попробовать потушить пожар при помощи воды из фонтана. Знаешь, того, со скульптурой мальчика, играющего на лютне?

— Знаю, конечно, — нетерпеливо кивнула я. Этот фонтан в городе знали решительно все. Большинство жителей, договаривающихся о встрече в центре, выбирали именно его в качестве ориентира. — Ну, и в чём проблема?

Даже если у девочек не получилось перенести воду из бассейна на достаточное расстояние, всё равно же они пытались потушить огонь, а это дело благое! Не наказывать же за неудачную попытку?

— Постой! — вдруг сообразила я. — А что, в центральном парке был пожар?!

— До тех пор не было, — поглядев на меня исподлобья, ответила Мелюзина.

— То есть как?

— То есть они сначала подожгли одну из скамеек, а потом стали переносить туда воду из фонтана, чтобы посмотреть, получится потушить пожар или нет.

Я схватилась рукой за голову.

— И как, потушили хотя бы?

Мой голос прозвучал слабо-слабо, будто даже я слышала его откуда-то издалека.

— Н-не совсем.

Сочувствия во взгляде Мелюзины стало ещё больше.

— Там скамья и ещё несколько деревьев сгорело. Но дело не только в этом.

— А в чём ещё? — Я подняла на фею страдальческий взгляд.

— Ну, они, когда переносили воду по воздуху, не совсем правильно произвели расчёты, и до источника возгорания не донесли. Вода пролилась несколько раньше... Как раз на голову супруги мэра, которая отдыхала на другой скамейке, ближе к фонтану. И не только на голову. В общем, она промокла насквозь.

Теперь я схватилась за голову обеими руками.

— И что теперь?

Наверняка из-за прикрывающих рот ладоней голос звучал приглушённо, но Мелюзина всё слышала.

— Теперь они сидят в тюрьме, в камере предварительного заключения. Когда слушание дела, пока неясно, может быть, через неделю, или две. Поскольку затронута честь университет, ректор рвёт и мечет. И требует в срочном порядке решить проблему. А поскольку группу курируешь ты, — взгляд Мелюзины стал виноватым, — он именно тебе поручил эту задачу. Даёт ровно сутки.

Я закатила глаза и сжала в кулаки уже отведённые от лица руки.

— Сутки. Курирую, — повторила я разозлившись. И, возведя глаза к потолку кареты, зловеще расхохоталась, вполне себе по-ведьмински. После чего сердито воскликнула: — Вот именно, что курирую! Преподаю! Обучаю профессии! А не воспитываю, не кормлю из бутылочки, не перевожу через дорогу за ручку. У нас университет или детский сад? Я где вообще работаю? Потому что если детский сад, так я увольняюсь! Я бы и в школе даже месяца не выдержала!

От избытка эмоций я отчаянно жестикулировала и иногда задыхалась, вынужденная сделать короткую паузу, дабы набрать в лёгкие воздуха. Мелюзина слушала с сочувствием и пониманием, но на всякий случай вжалась в противоположную от меня стенку кареты. А то мало ли чего от доброй феи можно ожидать, когда она по-настоящему разозлится. Ведьмы — те хотя бы предсказуемы. А вот мы способны на любой сюрприз. Взять хотя бы моих девчонок. Поймаю — самолично выпорю! Только вот не знаю, чем. Ремень не ношу. На метле не летаю: опять-таки не ведьма. О, веник одолжу в ближайшей бане! Вот!

— Нет, ты объясни, у нас университет или институт благородных девиц? — продолжала я напирать на ни в чём не повинную

Мелюзину. — В чём наша работа заключается? И потом, лично я исхожу из того, что студентки — взрослые люди. Пусть молодые, пусть неопытные, но — взрослые. И вести себя будут соответственно! А вот ты мне скажи: может взрослый человек специально устроить пожар, чтобы попытаться затем его потушить? Да ещё в центральном королевском парке? Да ещё в присутствии жены мэра?

— Ну, её они могли в лицо и не знать, — совершила слабую (да что там, изначально провальную) попытку заступничества коллеги.

— Лицо могли и не узнать, — подтвердила я. — А вот жо...заднюю часть тела ни с кем не спутаешь!

Мелюзина согласно хмыкнула. Габариты супруги нашего мэра и вправду были весьма внушительные, так что, садясь на скамейку, эта дама растекалась по оной, занимая тем местом, на которое садится, чуть ли не всю её площадь.

— Нет, это просто невозможно, — причитала, уже позабыв про супругу мэра я. — Ко всем моим делам — нормальным, подчеркну, делам! — только этого не хватает! Бегать по тюрьмам и вытаскивать оттуда малолетних преступниц! Вот почему так происходит, а? — уставилась я на Мелюзину умоляющим взглядом. Будто сейчас она раскроет мне великую истину, которая разом расставит всё по своим местам. — Работаешь с ними, работаешь, учишь. Стараешься сеять разумное, доброе, вечное. А выходит что?

— Я думаю, как раз разумное, доброе, вечное и выходит, — задумчиво подбодрила меня Мелюзина. И столь же задумчиво добавила: — Только не из того места.

— Может, пусть сами теперь разбираются, а? — в сердцах спросила я.

Хотя выполнять угрозу, конечно, не собиралась, и даже не думала давать кучеру сигнал останавливаться или разворачивать карету.

— Ну, ведь правда! Я лектор, а не мамка и не нянька! — продолжала бушевать я.

— Да ты что! — испуганно всплеснула руками Мелюзина и даже схватила меня за руку, в качестве морального давления. — Они же, в сущности, совсем ещё дети! Не смогут сами о себе позаботиться! Ты подумай, каково им приходится уже сейчас! Их ведь посадили в общую камеру, вместе с заядлыми преступниками — ворами, насильниками, убийцами! Страшно представить, что может произойти!

Судя по бледному лицу феи, ей действительно было страшно за девочек. Я скептически покачала головой: всё-таки цинизма коллеге определённо не хватает.

— Ничего с нашими девочками не сделают, — заверила я. — Да одна только Моргана любого, кто к ним приблизится, превратит в живописную композицию «насильник в разрезе». Причём не ради соблюдения собственной чести или чести подруг. А просто из научного интереса.

Комментарий:

*быть Доброй Феей очень сложно
вот ждет рагу прекрасный принц
а вот ты из тюрьмы спасаешь
девиц*

Карета подкатила к участковому дворику, и мы с Мелюзиной, волнуясь и тревожно оглядываясь, выбрались наружу.

— Нет, ну, Фритта — это я ещё понимаю, — продолжала бурчать я, пока мы шагали за стражем к месту временного заключения наших учениц. — У неё потенциал хороший, но непосредственность хлещет через край. Моргана — тоже понятно, у неё наклонности...не совсем здоровые. Но Майя! Ты можешь это понять? А Дейве?!

— Ты же знаешь: отдельная личность — это одно, а толпа — совсем другое. — Мелюзина пыталась хоть немного меня успокоить, но получалось плохо: она и сама заметно нервничала, что плохо сказывалось на попытке. — Когда они все вместе, разум немного... отключается, уступает место коллективной... — она щёлкнула пальцами, подбирая слово, — ...экспрессивности.

— Коллективному идиотизму, — отрезала я, заворачивая следом за стражником за угол.

Последний, надо сказать, обходился с нами чрезвычайно вежливо и к разговору прислушивался с видимым сочувствием. Во всяком случае, такое складывалось впечатление в те моменты, когда мы видели не только его спину. Быть может, он вообще такой отзывчивый по складу характера (и не говорите, будто такого при его профессии быть не может: порой люди прибывают на занимаемое ими место самыми странными дорогами), но, скорее всего, просто уважительно отнёсся к

взрослым феям, ещё и преподающим в университете.

— Вот, прошу вас, — произнёс он, отступая в сторону, чтобы явить пред наши очи освещаемую несколькими факелами камеру. — Я сейчас схожу за начальником участка, как вы и просили.

Я не была вполне уверена, что начальник участка соизволит явиться к нам по первому зову, но надежда всё-таки была: как-никак, мы действительно не последние люди в городе. То есть не люди, конечно, но в этом-то всё и дело.

Позабыв про стражника, мы с Мелюзиной синхронно сделали шаг вперёд, вглядываясь в подрагивающий тенями полумрак камеры. Она была огромной, должно быть, единственной на весь участок, с небольшим отделённым своеобразной стенкой-ширмой уголком, по-видимому, выполнявшим функцию туалета. Народу в камере было много. Мы очень быстро разглядели девочек, и не только их. Здесь действительно сидели (как в прямом, так и в переносном смысле) преступники всех мастей. Женщины, несомненно, лёгкого поведения, мужчины, внешний вид которых можно было приравнять к выведенной на лбу надписи «СУТЕНЁР», здоровенные громилы, а также спокойные, невзрачные на вид люди, изящные и ловкие пальцы которых выдавали в них либо пианистов, либо карманников.

В первую секунду Мелюзина охнула, повторно разволновавшись за наших девочек. Я же ухмыльнулась и, покачав головой, потянула её за рукав, предлагая постоять у стены, там, где нас непросто было заметить, и понаблюдать со стороны.

А понаблюдать действительно было за чем. Чуть в глубине, на неровной каменной скамье, сидела Фритта и какой-то здоровый бугай раза в два её крупнее. Возле каждого из них, с его стороны скамьи, стояло по четыре не слишком чистых опустошённых стакана. Ещё по одному стакану они держали в руках, и там поблёскивало какое-то мутноватое пойло, даже внешний вид которого заставил меня поморщиться. Мелюзина с интересом вытянула шею. Она была не одинока: вокруг нашей «парочки» собралось около четверти заключённых, и все с азартом следили за разворачивающимся действием.

Резко выдохнув, Фритта поднесла стакан ко рту и принялась пить. Её соперник поступил так же. Но пил он очень медленно, а к середине стакана всё-таки сдался, сгорбился, опуская руки и, морщась, выдохнул:

— Всё!

Фритта же, никак не реагируя на сей факт, не прерываясь, продолжила процесс поглощения пойла. Количество жидкости в её стакане стремительно уменьшалось. Наконец, девушка оторвалась от стакана и, перевернув его вверх дном, с торжествующим видом потрясла, демонстрируя таким образом, что внутри действительно ничего не осталось.

Сокамерники заплодировали, кто-то принялся обмениваться мелкими — и не очень — монетами.

— Приступай! — громко потребовала Фритта, обращаясь к побеждённому бугаю. Тот с несчастным видом опустил на пол и отжался.

— Один! — хором прокричали Майя и Моргана.

Здоровяк застал на вытянутых руках с несчастным видом, но девушки были неумолимы. Стало быть, одним отжиманием проигрыш не ограничивался. Я заволновалась, как бы всё выпитое не оказалось в самое ближайшее время на полу камеры.

— Сам виноват, — без всякой жалости, даже, я бы сказала, с ликованием, шепнула мне Мелюзина. — Надо быть круглым идиотом, чтобы соревноваться, кто больше выпьет, *со студентами!*

Переведя взгляд, я обнаружила левее и ближе к решётчатой двери камеры ещё одного отжимающегося мужчину. Стоявшая неподалёку Тинкер лениво наблюдала за его стараниями, беззвучно ведя счёт.

— А этот в чём провинился? — тихонько спросила я у оказавшегося ближе всего к нам заключённого.

— В фантики проиграл, — так грустно, будто речь шла о нём самом, констатировал тот.

— Сам виноват, — в очередной раз объявила Мелюзина. — Послушай, а может, и правда оставим их здесь? Ну, в воспитательных целях. Чтобы немного повысить моральный облик городской преступности?

Я наградила её весьма укоризненным взглядом.

— Сама-то понимаешь, что говоришь? Чему хорошему их могут научить наши девочки?

Тут среди общего гомона до нашего слуха долетел голос Динь.

— Место рождения? Возраст? Род занятий? Каких женщин предпочитаете — блондинок, брюнеток, шатенок или, может быть, рыженьких?

Молодой тщедушный мужчина покорно отвечал на вопросы, время от времени затравленно озираясь по сторонам.

Ну, всё понятно. И этот тоже во что-то проиграл, вот только ему досталось посильнее, чем прочим, отделавшимся отжиманиями. По-видимому, в качестве своего выигрыша Динь затребовала право устроить судьбу бедолаги, то бишь, сделать его своим первым клиентом — или подопытным кроликом. Что ж, хотя бы в этом вопросе я могла горе-игроку помочь.

— Студентка Динь, надеюсь, вы помните, что женить крестников феям разрешается только после благополучной сдачи экзаменов четвёртого курса? — громко обратилась к девушке я. — А вы сейчас только на третьем.

Феи тут же рванули с мест, прильнули к решётке и загомонили в один голос. «Недожених» с облегчением сполз по стенке, а «спортсмены» перестали отжиматься.

А тут как раз подоспел и начальник участка. Сравнительно молодой, надо сказать, мужчина (немного за тридцать), вид имевший довольно надменный, но с нами общавшийся вежливо. Его сопровождал стражник, но не тот, что проводил нас до камеры. Возможно, личный помощник.

— Добрый день, госпожи феи. — Начальник вежливо кивнул, важно заложив руки за спину. — Колин Таймс, глава южного участка жандармерии. Чем могу вам помочь?

— Видите ли, господин Таймс. — Будучи непосредственным куратором девушек, я взяла разговор с тюремным начальством на себя, а Мелюзина стояла рядом олицетворением моральной поддержки. — Мы бы хотели попросить за молодых фей, студенток, которых сегодня утром привезли сюда из городского парка. Нельзя ли их отпустить? Я готова лично за них поручиться и подписать все необходимые в подобных случаях бумаги.

Начальник нахмурился и сокрушённо покачал головой.

— Видите ли, госпожа фея, при всём моём безграничном уважении к вам, это немного трудно будет сделать. Заключённые нарушили слишком много законов. Нарушение общественного порядка, поджог, покушение на убийство...

— Какое ещё убийство?! — возмущённо выдохнули мы с Мелюзиной с интервалом в полсекунды.

— Госпожи супруги мэра, — почти интимно понизив голос, объяснил начальник. — Её чуть было не утопили.

— В воде из фонтана? — фыркнула Мелюзина. — Не смешите меня!

Таймс неодобрительно покачал головой. Взгляд его стал строгим.

— Госпожа супруга мэра могла захлебнуться. Кроме того, ей был нанесён моральный ущерб. Боюсь, что... — он многозначительно вздохнул, — ...эту проблему так просто не решить.

— Хорошо, а тяжело её решить можно? — утомлённо поинтересовалась я, не настроенная на продолжительные игры.

— Ну, господин мэр, конечно, будет недоволен, — протянул Таймс, глядя куда-то в сторону, словно высматривал там вышеупомянутого мэра. — Но можно попытаться, как минимум, выпустить девушек под залог.

— Хорошо, давайте под залог, — махнула рукой я, игнорируя возмущённые взгляды кое-кого из студенток. Раньше надо было головой думать, а теперь поздно бороться за неподкупность и справедливость. — Сколько?

— Тысячу золотых, — ответило начальство, на сей раз глядя в потолок. Мэра там не было точно, но, может быть, Таймс спрашивал таким образом благословения кого-то из прежних мэров?

— Сколько? — переспросила я, всем своим видом показывая, что явно чего-то не расслышала.

— Одну тысячу золотых, — невозмутимо повторил Таймс.

— Таких залогов не бывает, — отрезала я.

— Ну почему? — Он эдак непосредственно, почти по-детски, поковырял сапогом пол, местами усыпанный вылетевшей из камеры соломой. — Мы ведь с вами говорим не об одной заключённой, а о семи. Поэтому на каждую получается не так уж и много. К тому же, повторюсь, господин мэр в любом случае останется крайне недоволен.

Я глубоко втянула носом воздух и медленно, со вкусом выдохнула, дабы не сообщить всем присутствующим в чрезвычайно неблагородной манере, где именно я видала недовольство мэра, моральный ущерб его супруги, инфантильность не в меру активных студенток, а также необходимость заниматься проблемами такого рода вместо своей нормальной работы.

Так или иначе, о внесении назначенного залога речи идти не могло.

У меня таких денег нет, а ожидать, что ректор расщедрится и выделит подобную сумму из университетского бюджета, и вовсе смешно.

— При таких запросах у нас с вами действительно мало шансов договориться, но к удовольствию господина мэра это вряд ли приведёт, — сердито выдала я.

Мелюзина дёрнула меня за рукав, сочтя мой ответ излишне резким. А я ведь ещё старательно сдерживалась!

— Вообще-то, — Таймс понизил голос и, взяв меня за руку, предложил отойти немного в сторону, — существует ещё один вариант. Просто из чувства глубокого уважения к вашей профессии и к вам лично хотелось бы найти какое-то приемлемое для всех решение, — принялся совершенно деловым тоном вносить объяснения он.

— Какое же решение вы хотите предложить? — любопытствовала я, уже практически уверенная в том, что оно мне не понравится.

— Вы могли бы устроить мне брак с девушкой благородных кровей? — осведомился начальник участка, по-настоящему впечатлив меня своей наглостью. — Хорошо бы с принцессой, но понимаю, что это может оказаться сложно. Поэтому титулованная дворянка рангом пониже тоже подойдёт.

Я сказала, что его наглость меня впечатлила? Нет, то была ерунда. Вот теперь я смотрела на Таймса с открытым ртом, испытывая чувство, довольно-таки близкое к восхищению.

Как вскоре выяснилось, слова начальника изумили не только меня, однако у другого удивившегося были на то иные причины.

— А ваша супруга как же? — озадаченно хлопая глазами, спросил помощник.

Раздавшиеся со стороны камеры смешки свидетельствовали о том, что манёвр начальства по отведению меня в сторонку весомых результатов не принёс.

— Ах, у вас, значит, супруга имеется? — сладко улыбнувшись, поинтересовалась я.

— Ну да, и детишек двое, — ответил за начальство недоумевающий по-прежнему помощник.

— Помолчать не мог? — сквозь зубы процедил Таймс. — Это не имеет значения, — бросил он уже мне. — С женой я как-нибудь разберусь. В конце концов, никто ещё не отменял разводы.

— А скажите, пожалуйста, — я взяла Таймса за локоть и слегка развернула, заставляя его на время забыть об оплошавшем подчинённом, — вы только женой новой собираетесь обзавестись или детей тоже смените, для полноты картины? Чтобы опять-таки двое, но только с дворянской кровью?

Глаза начальника немного сощурились, а линия губ стала жёсткой, выдавая охватившую его злость.

— Я именно ради детей всё это и делаю, — использовал он самую распространённую отмазку всех времён и народов. — И нынешняя моя жена будет этому только рада. Так что, устройте вы мне дворянку, или нет?

— Столбовую? — ехидно поинтересовалась я. И, пока Таймс напрягал мозг в попытке понять, о чём идёт речь, задала наводящий вопрос: — А владычицу морскую вам не надо?

Хотя, быть может, стоило бы познакомить его с Несмеяной? Она бы от его запросов так ухохоталась, что заклятие наверняка бы спало.

— Стало быть, не устройте, — заключил он, проявив тем самым недюжинную проницательность.

— Вам не ко мне, — холодно отчеканила я. — Я — крёстная фея. А вам нужна золотая рыбка. Адрес: синее море. Звонить три раза.

— Ну что ж, — мстительно заявил Таймс, глядя мне прямо в глаза, — в таком случае боюсь, что студенткам придётся остаться в камере, а затем предстать перед судом.

Я сжала губы и смерила его уничижительным взглядом. Пальцы аж заискрились от почти непреодолимого желания поколдовать: ведь как раз в подобном моральном состоянии добрая фея способна наделать таких гадостей, какие даже не снились ни одной порядочной злой ведьме.

— Не стоит торопиться с выводами.

Судя по выражению лица Таймса, не только для меня этот ледяной голос прозвучал, как гром среди ясного неба. Я обернулась и с удивлением уставилась на принца, по-видимому, уже давненько наблюдавшего за нашей перепалкой из темноты коридора.

Сейчас, обнаружив себя, он сделал несколько шагов в нашу сторону.

— Я готов поручиться за этих девушек и внести требуемую вами сумму в качестве залога.

Отвечать на данное заявление Таймс не торопился. Вместо этого одними губами шепнул, скосив глаза на помощника:

— Эд, проверь его в списках. У него знакомое лицо. Да не здесь! — прошипел он, едва помощник с готовностью раскрыл папку, на которой красовалась надпись «Их разыскивает жандармерия». — В другой, там, где знатные особы ближайших королевств.

Помощник оказался-таки профессионалом своего дела, поскольку обнаружил искомое чрезвычайно быстро, невзирая на внушительную толщину папки.

— Его высочество Аладдин эйн Эртогрул, — прошептал он, испуганно косясь на неожиданно высокого гостя.

Я лишь сейчас сообразила, что так-то, с первого взгляда, наш принц на особу королевской крови вовсе и не похож. Ни венца на голове, ни меча, инкрустированного всякими рубинами да изумрудами, ни колета, что ли, какого элегантного. Так, кожаная куртка, рубашка, обычные брюки, заправленные в обычные же сапоги для верховой езды.

— Э...ваше высочество, — поспешил расплыться в гостеприимной улыбке Таймс. — Счастливы приветствовать вас в нашем участке. Стало быть, вы желаете поручиться за этих девушек?

— Вы не ослышались. — Принц говорил с лёгким раздражением, давая понять, что уточнение было излишним. — И я вношу названную вами сумму залога.

Аладдин потянулся к висящему на поясе кошельку, но Таймс его остановил.

— Ну что вы, ваше высочество, ни в коем случае, — поспешил возразить он. — Если вы готовы поручиться за заключённых фей, мы, конечно же, их отпустим. Уверен, в этом случае господин мэр не будет возражать.

Что ж, в данном случае Таймс проявил себя как человек неглупый. Жадность жадностью, но ссориться с принцем иностранной державы себе дороже. К тому же, жена мэра — как ни крути, фигура значительно менее весомая, нежели наследник престола, пусть даже не нашего, а соседского.

— Господин мэр может обращаться с любыми претензиями лично ко мне, — с лёгкой издёвкой в голосе заверил принц.

— Мне лишь необходимо задать вашему высочеству несколько вопросов для того, чтобы отчитаться перед начальством, — вежливо

произнёс начальник. — Не могли бы вы уточнить, с кем именно из этих девушек вы знакомы?

— Со всеми, — сухо сообщил принц.

Помощник выпучил глаза, Таймс сглотнул.

— А...при каких обстоятельствах вы с ними познакомились?

— Во время досконального обсуждения моих матримониальных планов, — холодно заявил Аладдин, глядя на Таймс немигающим взглядом.

По камере пробежал шепоток «Невесты принца!». Последний, молодец, и бровью не повёл, ни словом, ни жестом не дав понять, что такая интерпретация его слов не вполне соответствует действительности.

Участок мы вдесятером покинули быстро. Поблагодарить принца как следует я не успела, ибо его почти сразу же перехватили студентки.

— Ваше высочество, вы — наш кумир! — восторженно выдохнула Тинкер, вцепившись в рукав принца.

— Просто идеальный мужчина! — поддержала её Фритта.

Остальные девушки, столпившись вокруг, тоже щебетали нечто подобное.

— Сомневаюсь, — хмыкнул принц, принимая у слуги поводья своего вороного. — У меня конь не белый.

— Ой, это такая ерунда! — махнула рукой Динь.

— Белый конь — дело наживное, — подтвердила Фритта. — Если понадобится, перекрасим.

Конь на всякий случай отодвинулся от юных фей подальше.

Принц тоже, видимо, заподозрив, что следующим этапом ему предложат отрастить хвост и рога.

— Девушки, а вы, я смотрю, как-то рано расслабились.

Видимо, в моём тоне было нечто очень порочное, потому что феи сразу напряглись, и взгляды стали настороженно-подозрительными.

— По-моему, вам пора в университет, — тонко намекнула я.

— Как в университет?! — вскинулись юные феи. — Занятия же только завтра!

— Неужели? — Я выпучила глаза в притворном удивлении. — А мне кажется, вы что-то напутали. И ровно через три часа у вас будет экзамен.

При этих словах у всех студенток без исключения вытянулись лица. Мелюзина усмехнулась, отвернувшись в сторону.

— На какую тему? — спросила Тинкер.

Жаловаться на произвол ни одна студентка благоразумно не стала.

— А на три, — жизнерадостно ответила я. — Тема первая: создание магического пламени. Тема вторая: телекинез веществ, не имеющих постоянной формы. Тема третья: польза и вред азартных игр. — Я извлекла из кармана часы. — У вас ещё остаётся два часа пятьдесят восемь минут на подготовку.

Секунд десять студенткам потребовалось на то, чтобы окончательно свыкнуться с только что полученной информацией. Спустя ещё минуту их как ветром сдуло.

— Твоя методика впечатляет, — заметил уже вскочивший в седло принц. — Я только одного не понял. Разве у азартных игр есть польза?

— Конечно, — фыркнула я. — Для хозяина игорного дома.

Усмехнувшись, он отсалютовал мне рукой, и мы отправились каждый своей дорогой. У принца, несомненно, были свои дела, а мне как-никак в скором времени предстоял экзамен. Об этой стороне вопроса редко задумываются, но для преподавателя экзамен представляет собой не меньше, а порой даже больше работы, чем для студента. Ведь для начала его нужно составить так, чтобы вопросы были не слишком лёгкими, но одновременно и не чрезмерно тяжёлыми, чтобы позволяли адекватно оценить уровень знаний студента, не разделяя обучающихся на две группы («прошёл» и

«провалил»), а отражая, к примеру, разницу между просто хорошим студентом и очень хорошим. Ну, а потом эти самые экзамены предстоит ещё и проверять, но об этом мне пока думать не хотелось... Будем решать проблемы по мере поступления.

И вновь шло время. Принц и царевна уже планировали свадьбу. Я тоже ответила Дарьену согласием, и теперь совершенно не комфортно ощущала себя в роли невесты. Это была настолько не моя роль, что в пору глупо хихикать, будто нелепо нарядившись на карнавале. Должно быть, именно поэтому и приготовления я постоянно откладывала. Тем более что и дел, как водится, было не перечислить.

— Итак, запоминаем далее. — Я вновь неспешно вышагивала

между рядами, заложив руки за спину. — Гадание «любит-не любит» на цветике-семицветике может довести объект воздыхания до инфаркта. С волшебными предметами надо быть в высшей степени осторожными и использовать их исключительно по назначению. Всё прочее хорошо не закончится. Динь, я про твоё зеркальце говорю, между прочим, — на миг нахмурилась я, чтобы затем вновь вернуться к лекторской интонации. — Один человек пожелал намеренно своей невесте, что она недостаточно много и разнообразно готовит, и подарил ей на день рождения скатерть-самобранку.

— И что? — Глаза Тинкер светились неподдельным интересом.

Я, разумеется, ожидала этого вопроса.

— Через две недели наступил черёд жениха праздновать свой день рождения. Невеста подарила ему сапоги-скороходы. Полагаю, её намёк понятен всем?

Громко пробили волшебные часы. Казалось бы, странно, ведь время — пятнадцать минут четвёртого, но задача этих ходиков заключалась в том, чтобы сообщать о времени окончания лекции. Я шагнула обратно к преподавательскому столу.

— Мы успели чуть меньше, чем я ожидала, но ничего, продолжим в следующий раз. Не забудьте о домашнем задании. До 16:00 во вторник каждая из вас должна совершить доброе дело. Не перестарайтесь.

Девушки зашумели, звуковое пространство аудитории наполнилось разговорами, смешками, стуком водружаемых на столы сумок и прочими характерными признаками окончания лекции. Я, как и обычно, собиралась чуть дольше, нежели девушки, торопящиеся покинуть класс.

За дверью меня поджидал Дарьен. Это не стало сюрпризом: мы заранее договорились, что он зайдёт за мной сегодня к концу занятий. Некоторые из девчонок, те, что не слишком спешили домой, задержались в коридоре, с нездоровым интересом разглядывая моего визитёра.

— Какое интересное задание, — заметил он, поздоровавшись и принимая у меня сумку.

Стало быть, слышал, по меньшей мере, окончание нашего урока.

— Интересное — не знаю, а вот нервное — точно, — хмурясь, откликнулась я. — Ты даже представить себе не можешь, как я волнуюсь.

— Что такого страшного в добрых делах? — удивился Дарьен.

Я многозначительно округлила глаза.

— Девушкам на предыдущих потоках удавалось учудить такое, что весь город на ушах стоял. А на нас ложится вся ответственность, и ликвидировать последствия как-то приходится, и доброе имя добрых фей отстаивать.

Я вздохнула, не столько страдая из-за прошлого, сколько переживая о ближайшем будущем.

— А ну-ка, и что же такого они учудили?

Судя по голосу, Дарьену действительно было любопытно. Ну да, мне и самой, наверное, было бы любопытно, если бы не приходилось лично бегать по городу, исправляя то, что натворили из лучших побуждений студентки.

— Ну, например, одна девушка решила, что самым логичным добрым делом будет перевести старушку через улицу. А то кареты мчатся, мальчишки гусей перегоняют, прохожие снуют туда-сюда, ничего вокруг не замечая, ну и так далее. Нашла жертву, старушку, то бишь. Но переводить её, как все, просто под руку, студентке показалось слишком тривиальным. Поэтому она решила перевести старушку телепортом.

— Телепортом? — расхохотался Дарьен. — Ради другой стороны улицы?

— Да-да, — подтвердила я, совершенно, впрочем, не весело. — В итоге она перемудрила с заклинанием, и бедная старушка перенеслась на другой конец города. Её потом несколько часов искали, чтобы домой вернуть. Другая студентка — и того хуже. Решила осчастливить ребёнка. Тот был очень одинок. И она занялась материализацией. Сделала друга, о котором мальчик мечтал, настоящим.

— И что?

— Что... — тяжело вздохнув, повторила я. — Кто же мог подумать, что милый, очаровательный восьмилетний мальчик с веснушками мечтал о друге-монстре, который бы отомстил всем его обидчикам? В итоге мы получили двухголовое зубастое чудовище, бегающее по городу в поиске жертв. Не буду даже вкратце пересказывать, чего нам стоило отловить его и утихомирить.

Спустившись по длинной лестнице (потолки в университете были высокими, что не могло не отразиться и на количестве ступеней, которые студентам и лекторам приходилось преодолевать день за днём),

мы пересекли просторный холл и приблизились к выходу. Массивную дверь в дневное время держали распахнутой, зафиксировав при помощи крупного плоского камня. Всё равно кто-нибудь постоянно либо входил, либо выходил, и дверь практически не закрывалась. Мы с Дарьеном ступили на высокое крыльцо, и тут я с удивлением обнаружила всего на две ступени ниже Аладдина и Несмеяну, двигавшихся нам навстречу. Правда, узнать Несмеяну было не так уж легко: её лицо скрывал глубокий тёмный капюшон.

— Что случилось? Как вы здесь оказались? — спросила я, спускаясь чуть ниже, дабы оказаться с ними на одном уровне.

— Искали тебя. — В серьёзной сосредоточенности принца мне послышалась тревога. — Несмеяне пытались навредить. При помощи волшебства.

Дальнейший разговор проходил в карете, любезно предоставленной для этой цели Дарьеном. Ждать, пока мы доедем до дома, я не захотела, а возвращаться в университет не рискнула: уши бывают порой и у стен. Пусть даже это не злоумышляющие уши, а симпатичные ушки любопытных студентов.

— Мы с Несмеяной встречались сегодня утром. — Принц и царевна сидели напротив нас с Дарьеном; карета неспешно катилась по городским улицам, не слишком загруженным в это время суток. — Потом она возвратилась домой, собиралась отдохнуть в своих покоях и...

Аладдин перевёл взгляд на Несмеяну, предлагая ей поведать, что было дальше.

— Я легла в постель, чтобы немного вздремнуть, — послушно приняла эстафету девушка. — Но что-то всё время мешало. Я крутилась, переворачивалась с боку на бок, но лежать всё равно было очень неудобно. Поэтому в итоге я соскочила с кровати и решила осмотреть постель. Под перинами обнаружилось вот это.

Настал её черёд выжидательно повернуться к принцу. Аладдин извлёк на свет предмет, больше всего напоминавший по виду горошину, и протянул мне. Долго раздумывать не пришлось: я и так уже поняла, что это такое.

— Орешек, — произнесла я, вертя в руках находку царевны.

— Я думала, это скорее горошинка, — удивилась она.

— Строго говоря, это ни то, ни другое, — откликнулась я. — Но на

нашем профессиональном жаргоне называется орешком. Это сосуд, в котором можно до поры — до времени хранить заклинание. Обычно используется волшебниками, которые дарят или продают заклинание людям, не умеющим колдовать. Самому магу такая «горошина» без надобности, — пояснила я. — Он может сотворить заклинание в любой момент, подстроив его под сиюминутные обстоятельства. А волшебство, спрятанное в орешке, всегда будет более нейтральным. Я так понимаю, Аладдин догадался, что этот предмет — волшебный?

Принц утвердительно кивнул.

— Мне доводилось видеть нечто подобное. Я не знал, для чего предназначено это конкретное заклинание, но предположил, что ничего хорошего оно не несёт. Вряд ли его хозяин желал Несмеяне добра, а под перину орешек подложил только потому, что постеснялся сделать ей подарок в открытую.

С эт им трудно было не согласиться.

— Ты можешь определить, что там хранится? — тревожно спросил Аладдин.

— Попробую.

Я была практически уверена, что смогу. Но не люблю давать обещаний, не имея стопроцентной уверенности. Девяноста девяти процентов мне в этом случае недостаточно.

Я поводила рукой над орешком, прислушиваясь к хранившемуся внутри волшебству. «Прислушиваясь» — это, конечно, метафора. В том, что касается волшебства, мы задействуем иной орган чувств, не имеющий отношения к традиционным пяти.

Спутники внимательно следили за моими движениями.

— Заклинание переноса, — уверенно произнесла я, поднимая голову. — В определённый срок (предполагаю, что ночью) волшебство должно было вырваться из скорлупы на свободу и перенести Несмеяну в какое-то место. В какое именно, увы, не знаю.

— Это никак нельзя определить? — спросил Аладдин.

— Заведомо — нет, — развела руками я.

Принц и царевна погрустнели. Конечно, ведь не зная пункт назначения, невозможно определить, чьих это рук дело.

— Кому это может быть выгодно? — рационально подошёл к вопросу Дарьен. — Какова цель похищения?

— Точно не страшный ритуал, в ходе которого необходимо

пролить кровь принцессы, — решила хоть немного успокоить присутствующих я. — Всё это предрассудки: на самом деле, для таких ритуалов нет никакой разницы между принцессой и, скажем, прачкой.

— С причиной всё понятно, — заявил Аладдин, как мне показалось, излишне резко. — Кто-то захотел принудить Несмеяну к замужеству и получить обещанные её отцом полкоролевства.

— Всё-таки папина затея с шумными смотринами вышла боком, — выдохнула себе под нос царица.

— Сомнительная выгода, — скептически протянул Дарьен. — Управлять половиной королевства, со всеми его проблемами, долгами, народными волнениями и прочей головной болью.

— Мой отец отлично ведёт дела королевства! — возмутилась Несмеяна. — Мы давно выплатили внешний долг, а народных волнений у нас сроду не бывало!

— В любом случае, многие мыслят иначе, чем вы, маркиз, — примирительно произнесла я. — Поэтому версия его высочества представляется мне наиболее вероятной. Предлагаю принять её за рабочую гипотезу.

Дарьен пожал плечами. Дескать, не возражаю, хотя вы по-прежнему меня не убедили.

— Итак, что мы имеем, — принялась размышлять вслух я. — Некто, предположительно, метящий на престол мужчина, решил похитить царицу. Для этой цели он приобретает заключённое в орешек заклинание переноса. Кто-то, по его поручению, подкладывает орешек Несмеяне в постель. Просчитались они в двух пунктах. Во-первых, не ожидали, что царица приляжет в дневное время: заклинание наверняка настроено на ночь. Во-вторых, не учли, что Несмеяна, в жилах которой течёт царская кровь, почувствует «горошину» даже сквозь многочисленные перины.

— Необходимо выяснить, кто за этим стоит, — категорично заявил принц.

— Попробуем... — задумчиво проговорила я, мысленно прикидывая, как сие можно проверить. — Случившееся стало достоянием гласности?

— Нет, — ответил Аладдин. — Несмеяна решила...

— Может быть, предоставите девушке самой сказать? — язвительно спросил Дарьен.

Принц недовольно сверкнул на него глазами, но, так и быть, замолчал и повернулся к невесте.

— Я испугалась, — призналась та. — Сначала хотела позвать служанок, но потом подумала, что кто-то ведь подложил эту горошину. Ну, или орешек, — поправилась она. — Вот и решила пока во дворце молчать, а рассказать только Аладдину.

— В целом это было очень разумно, — похвалил Дарьен, как-то странно глядя на принца.

Словно это самое «в целом» подразумевало, что выбор доверенного лица был не самым удачным. «А сам ты разве не для того берёшь её в жёны, чтобы заграбастать себе полцарства?» — будто спрашивал взглядом он.

Не знаю, прочёл ли Аладдин в глазах маркиза то же, что и я, но прищурился в ответ крайне неприязненно. Я недовольно поморщилась. Право слово, что эти мужчины успели не поделить за время столь непродолжительного знакомства?!

— Действительно разумно, — согласилась я, стремясь отвлечь их от этой взаимной неприязни. С первого взгляда она, что ли, вспыхнула? — И существенно облегчит нам задачу. Поступим следующим образом. Сегодня вечером я приму облик Несмеяны и вместо вас, — я обратилась напрямую к царевне, дабы не продолжать говорить о ней в третьем лице, — приду во дворец. Останусь в одиночестве в ваших покоях и дождусь, пока активируется заклинание. И вот тогда я смогу выяснить, куда именно оно должно вас доставить. Едва с орешка спадёт скорлупа, это реально будет определить.

— Не годится, — возразил принц.

— Почему? — недоумённо воззрилась на него я.

— Мало ли что ещё там, в этой горошине, скрывается. Одна ты туда не пойдёшь.

— Аладдин, я же фея, притом, позволю себе отметить, высококвалифицированная. Я знаю, что ничего, кроме заклинания переноса, в орешке нет.

— Всё равно. Я пойду с тобой.

— А вы, простите, маг? — насмешливо поинтересовался Дарьен. — Сумеете помочь Элране справиться с колдовскими чарами?

— Вы тоже не маг, — огрызнулся принц. — И да, если понадобится, значит, сумею.

— А про репутацию царевны вы не подумали? — не отставал маркиз. — Появление мужчины в покоях незамужней девушки, да ещё и в ночное время, обществом, знаете ли, не одобряется.

— Если Аладдин настаивает, мы что-нибудь придумаем, — заявила я, главным образом для того, чтобы потушить разгорающийся спор. — Я дам ему шапку-невидимку, и он сможет проникнуть в покои Несмеяны незамеченным. Но, Дарьен, — я серьёзно взглянула на жениха, — я очень прошу тебя взять на это время царевну под своё покровительство. Никто не должен узнать, что в эту ночь в покоях Несмеяны будет ночевать не она. А ты сможешь и спрятать её у себя, и защитить в случае необходимости.

— Хорошо, — небрежно бросил маркиз.

На рыцаря без страха и упрёка он походил в этот момент меньше всего, однако же я оценила по достоинству его готовность помочь, которой не предшествовали даже краткие секунды колебаний.

Так и случилось, что Несмеяна отправилась в тот день в дом Дарьена, а мы с Аладдином — во дворец. Принять облик царевны не составило для меня труда: работать с иллюзиями я умела и любила. Шапка-невидимка у меня тоже имелась, правда, только одна, но больше было и не нужно. Когда горничная, убедившись, что госпожа легла спать и в её услугах не нуждается, на цыпочках покинула комнату, Аладдин тихонько задвинул дверной засов и снял шапку.

Темноту в опочивальне разгоняла одна-единственная свеча. Зажигать другие мы не стали, опасаясь, что усиленное освещение можно будет заметить через окно, даже сквозь занавеску. Я села на кровать, принц в кресло, и мы стали ждать. Вынужденное молчание делало ожидание особенно напряжённым: ведь мы опасались выдать себя разговором. Я оглядывала комнату, покачивая ногами, которые не доставали до пола за счёт высоты многочисленных перин. Удивительно, как Несмеяна смогла почувствовать сквозь них орешек. И совершенно понятен тот факт, что злоумышленник, в свою очередь, не сумел просчитать такое развитие событий. К слову, «горошина» с заклинанием и сейчас была здесь, благополучно спрятанная мною на прежнем месте.

А горница была красивая и уютная, это я заметила сразу, ещё когда вошла сюда в сопровождении служанки, помогавшей Несмеяне переодеваться ко сну. Резные ставни, симпатичная занавеска, расписной

потолок, узорчатый ковёр. Но всё это не аляповато, сочетание цветов отлично подобрано, а потолок с уклоном придаёт комнате ощущение сказочности.

Однако какой бы красивой горница ни была, с интересом её осматривать можно лишь ограниченное количество времени, тем более при скудном освещении. Так что я отчаянно скучала и, несмотря на ранний по моим меркам час, испытывала острое желание закрыть глаза, когда внезапно в лицо словно подул лёгкий весенний ветерок. Встрепенувшись, я спешно соскочила с кровати. Ощущение, будто по горнице гуляет ветер, усиливалось, хотя окно было закрыто, а лёгкая занавеска оставалась неподвижной. Принц тоже почувствовал неладное и напряжённо, дезориентированно оглядывался, вскочив на ноги.

Я сконцентрировалась на природе высвобождающегося из скорлупы волшебства. Чувство, позволяющее феям, равно как и ведьмам, воспринимать колдовство, больше всего напоминает осязание. Заклинание будто касалось кожи мелкими покалываниями, а мозг автоматически, инстинктивно, фиксировал их и доносил до сознания, переводя в мысли и образы.

— Заклинание переноса, как я и говорила, — проинформировала я лишённого аналогичного шестого (или седьмого?) чувства принца. — Пункт назначения... Сиреневый замок.

Не сказать, чтобы такое открытие безмерно удивляло, но и ожидаемым его назвать тоже нельзя. Хозяин Сиреневого замка, Эрик Кошвилль, волшебником не был, как, впрочем, мы и предполагали. Просто наследник рода неких захудалых баронов, известный разве что благодаря специфическому расположению своей резиденции. Всё дело в том, что замок его стоял на отшибе, отделённый от ближайшего города дремучим лесом, в котором обитали многочисленные чудища. Необходимую провизию его обитатели вполне могли получать из близлежащих деревень, а вот каким образом предки нынешнего Кошвилля умудрялись контактировать с внешним миром, оставалось загадкой. Быть может, и правда были волшебниками — слава, каковую их потомку и моему современнику приписывали совершенно незаслуженно.

Как попадал в столицу сам Эрик, было как раз понятно. При помощи установленного в замке портала, существование которого стало возможно благодаря развитию магической науки. Однако же

воспользоваться этим порталом, чтобы попасть в замок, можно было лишь с разрешения его хозяина. А это серьёзно усложняло нашу задачу. Через полный опасностей лес до резиденции барона не доберёшься. А, стало быть, Эрик не слишком-то и сильно рисковал, затеяв свою дерзкую игру.

Я собиралась озвучить ход своих мыслей принцу, но вместо этого с беспокойством уставилась на чуть вибрирующую кровать. По всем законам волшебства заклинание уже должно было закончить действовать, унеся в Сиреневый замок лишь пуховое одеяло (за неимением лежащей под ним царевны). Но вместо этого уровень магического фона всё нарастал. И означать сей факт мог только одно.

— У нас проблема! — крикнула я Аладдину. Вероятность того, что меня кто-то услышит, уже не смущала. — Похоже, волшебство не совсем такое, как я предполагала!

— Это не заклинание переноса?

Принц тоже кричал; казалось, мы стараемся услышать друг друга сквозь пелену закладывающего уши ветра.

— Переноса, — подтвердила свою изначальную версию я. — Но оно в придачу направлено на конкретного человека: привязывается к нему и не развеивается, пока этого человека не заберёт!

— То есть Несмеяна всё равно в опасности?

— Нет! Оно ориентировано на внешность, ведь ничего другого про Несмеяну похититель не знает! А внешность её в данном случае — у меня. Так что меня сейчас засосёт в портал!

— И ничего нельзя сделать?

— Нет!

Я уже чувствовала, как волшебство тянется ко мне, обволакивая незримым коконом.

— Я могу отправиться с тобой?

— Нет! Переместится только тот, на кого настроился портал! То есть я! Предупреди Несмеяну!

— Я тебя найду!

— Не вздумай! Из того леса живьём не выбраться! Я уж как-нибудь справлюсь!

— Если бы такое можно было предвидеть, ни за что не позволил бы тебе менять внешность! — в отчаянии выдохнул Аладдин, прежде чем меня поглотила темнота.

Ну почему же нельзя предвидеть? Можно. Просто вероятность была невысокая. И потом, не оставлять же Несмеяну без помощи. Я ведь, как-никак, добрая фея. Даже если настроение у меня не очень.

В объятиях темноты я пробыла недолго. Перенос состоялся, действие заклинания завершилось, и я обнаружила, что стою в просторном каменном зале с высоченным потолком. Каменном — потому, что практически всё здесь было сделано из камня — и стены, и пол, и пара украшающих помещение статуй, и тянущиеся под высокими окнами скамьи. Что ж, кое-какие выводы можно сделать, ведь помещения такого рода встречаются только на первых этажах замков. Впрочем, я, в общем-то, и не ожидала оказаться в каком-нибудь другом здании. Знала ведь, куда отправляюсь. Вот только отчего его называют Сиреневым?..

— Добро пожаловать в моё скромное жилище, царица, — с торжеством, замешанном на сарказме, произнёс встречавший меня мужчина. — Разрешите представиться: барон Эрик Кошвилль, хозяин Сиреневого замка.

— Что происходит? — мрачно спросила я. — Как я здесь оказалась?

Скажу откровенно: внешность внешностью, но артистка из меня не очень. Впрочем, барон, кажется, ничего не заподозрил. И то верно: близкого знакомства с Несмеяной он не водил, так что вряд ли заметит подмену, если только я не совершу совсем уж грубую ошибку.

— Небольшое колдовство, — радостно, чтобы не сказать злорадно, сообщил Кошвилль. — Можно сказать, заклинание гостеприимства. Вы, ваше высочество, теперь у меня в гостях, и пробудете гостьей в этом замке до тех пор, пока не станете его законной хозяйкой.

— Вы что, собираетесь подарить мне свой замок? — поинтересовалась я, недовольно хмурясь. — А сделать это при менее шокирующих обстоятельствах постеснялись?

— Хорошо, что у вас есть чувство юмора, — похвалил гостеприимный хозяин. — Нет, Несмеяна, я всего лишь собираюсь на вас жениться. И после этого моё имущество станет вашим. Равно как и ваше — моим, — внёс «незначительное» уточнение он.

— Это можно расценивать как предложение руки и сердца? — Мне казалось, что звучащий в моём тоне скептицизм вполне подошёл бы и

Несмеяне.

— Пожалуй что да, — склонил голову в притворной почтительности Кошвилль.

— А что, предложение нормально сделать было нельзя? — гнула свою линию я. — Без колдовства, у меня во дворце, в присутствии моего отца и вообще как положено?

— Можно было, — усмехнулся хозяин замка. — Собственно говоря, я и делал. Вы, похоже, этого не помните, — в его голосе вместо почти уже ставшего привычным торжества проскользнул упрёк, даже обида, — однако пять месяцев назад я предстал пред ваши светлые очи и честно пытался вас рассмешить, согласно велению вашего батюшки. Не моя вина, что я был отослан прочь так же, как многие другие до и после меня.

Стало быть, они всё-таки знакомы. Не исключено даже, что настоящая Несмеяна его бы вспомнила.

Во время всей этой пламенной речи я изучающе разглядывала барона. Мужчина как мужчина. Жених как жених. Не молод, но и не стар, вполне ещё наследников способен себе завести. Не красив, не уродлив. Так, серединка на половинку. Уж точно не из тех, кто с первого взгляда привлекает внимание женщин, и дело тут даже не во внешности. Кандидату в мужа Несмеяны определённо не хватало харизмы.

— И вы считаете это достаточным основанием для того, чтобы теперь меня похитить?

По сути это был не вопрос: положительный ответ и без того очевиден. Скорее я просто озвучивала собственное возмущение, ну, или возмущение Несмеяны.

— Так или иначе, другого выхода я не вижу, — передёрнул плечами барон. — И вы тоже запомните: вариантов у вас больше нет. Раньше надо было думать, и не морочить голову всему дворянскому сообществу пяти-шести королевств. Вы когда-нибудь слышали о Сириновом замке? Представляете себя примерно, где он находится?

— Более-менее, — откликнулась я.

Окна здесь начинались слишком высоко, предназначенные скорее для освещения зала в дневное время, чем для того, чтобы посетители могли полюбоваться красивым видом. Но я и так понимала, что за ними либо внутренний двор и замковая башня, либо лес, совершенно

непроходимый из-за живущих в нём чудищ.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул хозяин. — Стало быть, понимаете, что самостоятельно вам отсюда не выбраться. И вызволить вас тоже никто не сможет. Так что дорога у вас одна — со мной под венец.

— Вы всё-таки забываете, что мой отец — царь, а не какой-нибудь жалкий барон, — не удержалась от шпильки я.

Хотя вообще-то против баронов ничего не имею, да и вообще, мы, феи, без предрассудков.

— Понимаю. — Чувствовалось, что похититель с немалым трудом сдерживает злость. — Но если вы по доброй воле выйдете за меня замуж, а впоследствии мы поставим вашего отца в известность, проблем не возникнет. Если же нет... — Его глаза угрожающе сузились. — Есть у меня одно средство. Достаточно одного маленького укола. Оно войдёт в вашу кровь, и в течение получаса вы будете смеяться, как сумасшедшая. — Барон приблизился почти вплотную и грозно навис надо мною. Я инстинктивно попятилась. — А я воспользуюсь блюдечком и яблочком, чтобы запечатлеть эту картину и продемонстрировать её затем вашему отцу. Царское слово — закон. Раз я заставлю вас засмеяться, ваш отец вынужден будет дать согласие на этот брак. Так что советую вам очень серьёзно подумать, нужны ли вам лишние сложности.

— И долго я могу думать?

— До утра, — веско бросил он и, развернувшись, будто потерял ко мне всякий интерес, предоставил страже увести меня наверх.

Комната, в которой меня заперли, напоминала по стилю спальню Несмеяны. Тоже просторная, с покатым потолком, резной мебелью и узорчатыми коврами. Впрочем, вряд ли сходство явилось результатом заботы барона о царевне. Скорее, его замок просто находился в относительной близости от её королевства, отсюда и похожий стиль убранства.

Дверь за мной сразу же заперли на тяжёлый засов, который я углядела прежде, чем войти. Первым делом я, конечно же, подошла к окну и отодвинула занавеску, дабы убедиться, что окно зарешёчено. Не могу сказать, чтобы это сильно меня расстроило. Да, у меня были крылья, но я лишь недавно вновь обрела способность летать, и выбраться через окно на такой высоте вряд ли рискнула бы. Зато,

кажется, поняла, за что замок получил своё название. В свете заходящего солнца небо, облака и видимый отсюда кусок каменной стены окрасились во всевозможные оттенки розового, оранжевого и сиреневого. Должно быть, со стороны так же выглядело и всё здание.

Отвернувшись от окна, я направилась к двери, то есть второй точке, соединявшей меня с внешним миром. Приложила к дереву руки, шепча заклинание. Увы, попытка провалилась. Кто-то наложил на засов защиту от колдовства. Жаль. Так было бы проще всего.

Ну да ладно. Утро вечера мудренее. Кошвилль думает, будто в его силки угодила юная беззащитная птичка. И даже не догадывается, что эта «птичка» неплохо умеет творить волшебство и постоять за себя, если надо, способна. Всесильной это её, конечно, не делает, но... Завтра поглядим, кто кого.

На этой оптимистической ноте я решила улечься спать. Не те уже мои годы, чтобы всю ночь ходить из угла в угол, ломая руки, искать потайной ход или и вовсе рыть какой-нибудь лаз (особенно находясь на верхнем этаже башни). Лучше отдохнуть как следует, а завтра разберёмся, как быть.

Комментарий:

*быть Доброй Феей очень сложно
особенно когда злодей
тебя похитил и доказывай
кто злей*

Кошвилль пришёл до обидного рано, что-то около девяти часов утра. То есть времени полноценно выспаться пленнице не дал, чем окончательно уронил себя в её (то есть моих) глазах. Впрочем, не стану кривить душой, утверждая, будто он меня разбудил. Спалось мне в нынешних специфических условиях, прямо скажем, так себе. А он ещё и заблаговременно возвестил о своём приходе громким топаньем. Поэтому сам виноват в том, что к его появлению я оказалась готова.

— Ну что ж, царевна, вы приняли решение? — спросил он с места в карьер, даже дверь не успела ещё окончательно распахнуться. — Внизу ждёт священник.

Вошёл и невольно замер, хлопая глазами от неожиданности. К такому количеству потенциальных невест Кошвилль явно оказался не

готов. А дело в том, что вся — весьма немаленькая — опочивальня была буквально заполнена царевнами Несмеянами. Совершенно одинаковыми, принимающими одни и те же позы и глядящими на оторопевшего похитителя идентичными взглядами.

Одна иллюзия или много — не такая уж глобальная это разница. А искусством сотворения иллюзий я владею хорошо.

— Я приняла решение. Не хочу пока замуж, — заявили стройным хором все царевны, коих в опочивальню вместились несколько десятков.

— В таком случае...

Кошвилль автоматически поднял в угрожающем жесте руку, в которой держал пугающего вида иглу. Должно быть, остриё было смазано тем самым наркотиком, который он пообещал мне вчерашним вечером.

Собственно говоря, именно это замечание и заставило меня встретить его сегодня подобным образом. Очень не хотелось подвергнуться действию наркотика, а мы, феи, иммунитетом к подобным препаратам не обладаем.

— Чёрт возьми, что за ерунда?! — разозлился Кошвилль, после чего схватил первую попавшуюся Несмеяну за плечо.

Должно быть, рассчитывал вычислить настоящую на ощупь. Напрасно. Не говоря о том, что настоящей царевны в опочивальне попросту не было, иллюзии я создавала на совесть. Так что все они (или вернее было бы сказать, все *мы*) были в равной степени осязаемы. В чём Кошвилль и убедился, прикоснувшись к трём-четырёх царевнам.

— Господин барон, вы никогда не думали о гареме? — полюбопытствовали царевны.

— Проклятье! Вам это так просто с рук не сойдёт! — процедил сквозь зубы хозяин замка, после чего буквально вылетел за дверь, которая тут же за ним захлопнулась.

Не захотел позориться, по очереди проверяя всех царевен. Побоялся выглядеть смешным. И это позволило мне испытать чувство облегчения, поскольку никаких гарантий, что в противном случае он бы меня не вычислил, не было.

Поддерживать сложную иллюзию слишком долго совсем не просто. Поэтому, убедившись в том, что Кошвилль действительно ушёл, я ликвидировала лишних царевен, оставшись в гордом одиночестве.

Когда он появится вновь, тогда я верну и их. Пока же я принялась думать над тем, что делать дальше. Думы, признаться, были невесёлые. Портал в город отсюда не открыть: расстояние велико, а сила колдовского леса рассеивает магию. Волшебство может растаять в любой момент, в том числе и прямо над лесом, оставив меня один на один (или, говоря точнее, один на много) с милыми голодными чудищами. Вывод прост: необходимо добраться до специально разработанного портала, установленного в замке. Каким образом? Понятия не имею.

Погружённая в свои мысли, я не сразу обратила внимание на скрипение осторожно сдвигаемого засова. А поскольку тот, кто надумал меня навестить, поднимался, в отличие от Кошвилля, тихо, шагов его я тоже не слышала. И потому оказалась совершенно не готова к появлению визитёра. То есть не воссоздала иллюзию множества царевен.

В итоге, когда в комнату юркнул, снимая на ходу шапку-невидимку, Аладдин, его взору предстала только одна девушка.

— Слава богам! — выдохнул он, бросаясь ко мне.

И, прежде чем я успела прийти в себя от ступора, вызванного его появлением, сжал меня в объятиях и поцеловал. И ладно бы скромно, целомудренно, в лобик! Так нет же, в губы, самым непристойным образом! Я была настолько шокирована, что даже ответила. Полагаю, секунд десять мы страстно целовались, обнимая друг друга, после чего я совершенно непоследовательно оттолкнула принца подальше от себя и приглушённо выдохнула:

— С ума, что ли, сошёл?! Я ж не Несмеяна!

Возмущение заглушило прочие чувства, между которыми я никак не могла определиться поначалу, — радость от его появления, удивление (как ему это удалось?!) и тревогу (а вдруг сейчас сюда Кошвилль заявится?).

— Ой. Извини. Я забыл, — виновато потупившись, ответил Аладдин.

Врал бессовестно. Ничего он не забыл, отлично знал, кого целует. И даже не считал нужным сейчас убедительно притворяться, будто ошибся и раскаивается. Ох, выберемся отсюда — превращу его в какую-нибудь гадость! Мелкую и пузатую.

Только бы выбраться.

— Как ты сюда попал? — зашептала я. — Я ведь говорила за мной не следовать!

Он что же, прошёл через лес с чудовищами?! От этой мысли мне задним числом стало нехорошо. Хотя нет, быть такого не может! Во-первых, через лес просто-напросто не пройти. Во-вторых, принц даже не выглядит потрепанным, разве что тёмные круги пролегли под глазами. Но это скорее свидетельствует о проведённой без сна ночи, чем о борьбе за жизнь с кровожадными чудовищами.

И вновь чувства и размышления усыпили мою бдительность! И, видимо, не только мою, потому что мы с Аладдином в равной степени удивлённо уставились на распахнувшуюся дверь. Право слово, не башня, в которой томится в заточении девица, а проходной двор!

На пороге стоял Кошвилль. И вид у него был в высшей степени возмущённый.

— Это кто?! — грозно спросил он, указывая пальцем на Аладдина, таким требовательным тоном, словно обращался не к похищенной из отчего дома девушке, а к законной супруге.

Ответ созрел сам собой.

— Любовник, — сохраняя видимость спокойствия, ответила я.

— Кто? — озадаченно переспросил Кошвилль, в душевном состоянии которого наконец-то нашлось место не только для гнева, но и для удивления.

— Любовник, — чётко выговорила я. — А что тут такого? Вы меня похитили, даже вещи собрать не дали. Могут мне из дома доставить кое-какие безделушки? Ну, занавески там любимые, подушку для вышивания или, вот, любовника?

— Кто — он — такой? — процедил Кошвилль, меряя нас с Аладдином по очереди злым, напряжённым взглядом.

— Папенькин портной, — едко ответила я.

И покосилась на Аладдина, на мгновение позволив себе мстительный взгляд. Я до сих пор злилась на его выходку с поцелуем. Принц отреагировал на мои слова в высшей степени хладнокровно, беспрекословно приняв своё временное понижение в статусе.

— Я без него за вас замуж не пойду, — категорично заявила я, глядя похитителю прямо в глаза. — Мне с ним комфортнее. И потом, чем он вам мешает? Вы же не по любви жениться хотите, а ради полцарства!

Кошвилль нахмурил брови, что, видимо, свидетельствовало о сложном мыслительном процессе. С одной стороны, появление в башне любовника, понятное дело, выглядело в высшей степени подозрительно. С другой, если в итоге пленница согласится на замужество, какая действительно разница, кто это такой и как здесь нарисовался?

— Он мало ест! — воскликнула я, стремясь дожать засомневавшегося жениха. — И пользу приносит! Вышивать умеет, и шить!

— А ещё я петь могу, — добавил принц, шагнув к хозяину замка с таким доброжелательным выражением лица, что я бы на месте последнего, не раздумывая, помчалась куда подальше.

Однако способность быстро соображать явно не являлась сильной стороной Кошвилля. Поэтому, смерив Аладдина очередным неприязненным взглядом, он вновь обратился ко мне:

— Нам пора. Священник ждёт.

В его тоне звучала неприкрытая угроза. В сомнениях повернувшись к Аладдину, я встретила его пристальный взгляд, за которым последовал лёгкий кивок. Ну что ж, будем считать, что ему виднее. Должен же у него быть какой-то план, раз он явился сюда за мной. Во всяком случае, на это очень хотелось надеяться.

И мы зашагали по винтовой лестнице вниз. Разумеется, в сопровождении стражи. Но Аладдин шёл вместе с нами, что, бесспорно, внушало мне чувство уверенности. А Кошвилль вроде бы не возражал.

Мы спустились в тот самый зал, где состоялось моё знакомство с бароном и его замком. Как оказалось, именно здесь установили алтарь, возле которого теперь стоял священник в длинном чёрном одеянии. Стену за его спиной украсили какими-то легкомысленными цветочками. То ли жених захотел сделать невесте приятное, то ли постарался кто-то из слуг.

— Прошу вас.

Кошвилль указал мне на алтарь, сопроводив свой жест весьма настойчивым взглядом. Я шагнула, куда было велено. Аладдин сопровождал меня, не отставая ни на шаг.

— А ты куда? — рявкнул на принца жених, выпучив глаза от такой наглости.

— Я без него никуда, — твёрдо заявила я, хватая «любовника» за руку.

Кошвилль хмуро переглянулся со священником, поджал губы, но спорить не стал, вместо этого занял своё место перед алтарём справа от меня.

Аладдин встал слева.

Священник несколько напряжённо оглядел нашу троицу, но затем, открыв книгу на нужной странице, принялся привычно зачитывать текст. Я слушала вполуха, больше сосредоточенная на собственных мыслях. Что же делать?! Аладдин стоял вполне расслабленно и предпринимать ничего, похоже, не собирался. Мне же совершенно не улыбалась перспектива превратиться через пару-тройку минут в мадам Кошвилль. Причём, стоит заметить, без всякого колдовства! Хотя, возможно, брак, в который невеста вступает под чужим именем и с иллюзорной внешностью, действительным не считается? И именно поэтому Аладдин так спокоен?

— Мы собрались здесь, чтобы соединить узами брака этого мужчину и эту женщину. Брак есть священный союз, призванный защитить человека от греха...

— Нет, стойте-стойте, святой отец! — внезапно прервал священника принц. — Так не годится. Вы же говорите совершенно без выражения! Где же чувства, где экспрессия? Брак, — принялся торжественно повторять он, стукнув себя кулаком в грудь, — есть священный союз, призванный... Ну, и так далее. Вы поймите, у людей не что-нибудь, у людей свадьба! Такое событие бывает раз в жизни! Оно же больше не повторится! А вы бубните тут что-то себе под нос...

— Да что вы себе позволяете?! — вскричал Кошвилль, отодвигая меня в сторону, дабы лучше видеть наглеца.

Я «под шумок» осторожно оглядела зал, но ничего странного пока не заметила. Аладдин определённо тянул время, но вот с какой целью?

— А вы, между прочим, тоже проявили себя не лучшим образом, — мгновенно переключился на жениха Аладдин, так и не дав тому полноценно развить свою мысль. — Где букет цветов для невесты? Где конфеты? Где признание в любви на коленях?

Вот ведь, специалист! Нет, всё-таки если мы отсюда выберемся, за волосы я его оттащу!

— А ваши щёки? — вдохновенно продолжал наступление Аладдин.

— Что щёки? — опешил Кошвилль.

— Вы на себя в зеркало давно смотрели? — ответил вопросом на

вопрос принц. — Есть зеркало поблизости?

— Э...Да какое зеркало?!

— Можно не волшебное, — отмахнулся Аладдин. И вдруг, подавшись вперёд, ожесточённо выдохнул: — Вы в последний раз брились когда? Кто же в таком виде в брак вступает?! Ну да ничего, — добавил он уже спокойнее. — Я теперь здесь буду, прослежу, чтобы дальше всё шло как надо.

Кошвилль собирался ответить нечто, без сомнения, гневное, но их оборвал священник.

— Господа, это обсуждение в высшей степени не своевременно, — сердито заявил он. — С вашего позволения, я продолжу.

Взгляд, которым он наградил при этом принца, был, мягко говоря, не доброжелательным, однако священнослужитель счёл, что не пристало устраивать выяснение отношений посреди брачной церемонии. Спорщики синхронно потупились с покаянным видом.

— Итак, — продолжил священник, — брак есть богоугодный союз, закрепляемый...

Я сделала шаг назад, после чего справа и слева от меня появилось по одной иллюзии царевны Несмеяны. Со стороны впечатление складывалось такое, словно невеста растроилась. Затем с обеих сторон появилось ещё по одной царевне, потом ещё... Вскоре перед ошалевшим священником стоял длинный ряд Несмеян, простирающийся практически через весь зал.

— Это что? — шокированно моргнув, осведомился он.

— Ой, извините. — Я смущённо опустила глаза, и то же самое сделали ещё десятка два царевен. — Со мной иногда такое случается, от сильного волнения. Это называется «раздвоение личности».

Число девушек стало уменьшаться, словно сжималась в руках музыканта гармошка. Наконец, я вновь осталась перед алтарём в гордом одиночестве (не считая двоих мужчин, но кто же считает такие мелочи?) и ободряюще улыбнулась священнику, давая понять, что он может продолжать.

Тот явно понял, что дальше тянуть с нашей компанией опасно, и решил взять быка за рога.

— Согласен ли ты взять в жёны эту женщину? — обратился к Кошвиллю он.

— Согласен, — хором откликнулись Кошвилль и Аладдин.

Жених осатанело воззрился на принца.

Вот ведь, час от часу не легче. Я, оказывается, рискую не только стать женой хозяина замка, что совершенно не входит в мои планы. У меня ещё и есть шансы оказаться двоемужницей!

— Простите, это я случайно, — без зазрения совести солгал Аладдин.

Мужчины вновь подняли глаза на священника, и я почувствовала себя совсем уж некомфортно. Казалось, лимит трюков по оттягиванию вступления в брак исчерпан, ещё чуть-чуть — и представитель церкви произнесёт слова, которые не в силах стереть ни закон, ни время. Я приготовилась перейти к более активному сопротивлению, даже принять свой истинный облик. Но тут...

Откуда не возьмись, в зал влетела закутанная в белую ткань... Динь! Мгновенно сориентировавшись, будто долго и целенаправленно за нами подглядывала, девушка подлетела к алтарю и зависла в воздухе непосредственно между Кошвиллем и священником.

— Кто это? — выдохнул жених, кажется, потихоньку смирившийся с тем, что традиционного хода событий ему не дождаться.

Не уверена, что он сам понимал, к кому именно обращён этот вопрос, но неожиданная визитёрша не замедлила с ответом:

— Здравствуй, Эрик! — замогильным голосом произнесла она, в то время как на губах играла неестественная, зловещая улыбка. — Я — твоя белая крёстная фея!

Полноценно осмыслить это заявление Кошвилль не успел. Громко стуча каблуками сапог по каменному полу, не покрытому на этом этаже шкурами, в зал вбежал молодой человек, судя по форме, солдат здешнего гарнизона. Приблизившись к хозяину замка, он упал на колени (я аж вздрогнула: наверняка ведь ушибся!) и, начисто игнорируя завёрнутую в простыню Динь, затараторил:

— Господин барон, я всецело вам предан, я давал присягу, но, простите, я не могу допустить эту свадьбу! Вы поймите: оказывается, эта женщина — моя суженая!

Суженая в моём лице недоумённо взидала на помешавшегося — не иначе! — бедолагу.

— С чего ты взял? — хором осведомились мы с Кошвиллем. Он — сердито, а я скорее со здоровым любопытством.

— Мне моя крёстная фея сказала! — ответил, просветлев лицом,

солдат. — Вот!

И он повернулся как раз вовремя, чтобы указать на подлетавшую к нам Тинкер.

Эта хотя бы была облачена в обычное платье, а не постельное бельё, и на том спасибо. Вот только откуда они с Динь здесь взялись, хотела бы я знать! Покосившись на Аладдина, поняла одно: его, в отличие от меня, появление юных фей ни в коей степени не удивило.

Тинкер ещё не вымолвила ни слова, а к нам уже устремился очередной мужчина, облачённый в точно такую же форму, как и предыдущий. На колени этот, правда, не упал, просто остановился около алтаря и ровным, дисциплинированным голосом произнёс:

— Я женюсь на царевне.

Кажется, теперь я начинала понимать, с какой целью столь старательно тянул время принц. Пока мы с ним и Кошвиллем участвовали в свадебной церемонии, мои студентки обрабатывали по соседству солдат... Хотелось бы знать, скольких!

Будто в качестве ответа на мой мысленный вопрос, следом за дисциплинированным солдатом в зал вбежал ещё один, менее сдержанный. Этот мчался сломя голову, под конец заскользил по полу, будто по льду, и с размаху врезался в алтарь (хорошо, что хоть успел выставить вперёд руки).

— Подождите! Остановите свадьбу! — завопил он. — Ко мне фея явилась! Эта девушка мне предназначена!

Фритта и Майя, практически одновременно возникшие за спинами своих «подопечных», удовлетворённо переглянулись.

— Что значит «тебе»?! — возмущённо завопил второй солдат, разом растеряв всю свою дисциплинированность. — Это моя принцесса! Её мне фея пообещала! — На этом месте Фритта с самым что ни на есть важным видом кивнула. — За моё человеколюбие и кроткий нрав! На тебе! — И он ударил третьего солдата в челюсть.

— Моя принцесса! — завизжал первый.

Согнувшись, он ринулся на второго и с разбегу ударил его головой в живот.

Завязалась драка, в которую, помимо троих солдат, оказался втянут и Кошвилль, громогласно высказавшийся о собственных правах на невесту и отчего-то ожидавший, что остальных это урезонит. И зря. Общение с крёстными феями не прошло для мужчин даром: в каждом

из них пробудилась тяга к разумному, доброму, вечному, а также готовность снести башку всякому, кто между ним и этим самым добрым и вечным влезет. Двое слуг, наивно попытавшиеся разнять дерущихся, в итоге оказались в эпицентре выяснения отношений. Феи летали вокруг и науськивали каждая своего фаворита. А под потолком, глядя сверху вниз на всё это светопреставление, летала туда-сюда Моргана, неведомо где раздобывшая метлу. При этом фея громко хохотала и периодически била в пол небольшими молниями. Нет, надо её всё-таки перевести на факультет ведьм. Жалко, конечно, отдавать студентку конкурентам, но ведь такой талант пропадает!

— Бежим! — крикнул Аладдин, протягивая мне руку.

И я её приняла.

Благодаря царившей в зале суматохе, выскочить наружу оказалось несложно. Сомневаюсь, что хоть кто-то обратил на нас с принцем внимание.

— Куда? — спросила я, на бегу скидывая иллюзию.

Если начнётся преследование, пусть лучше я буду выглядеть не как царевна, а как совершенно не знакомая фея. Это хоть ненадолго собьёт Кошвилля с толку.

— К порталу! — не сбавляя темп, откликнулся Аладдин.

— А он не в замке? — удивилась я, продолжая, однако же, бежать через двор вместе с по-прежнему державшим меня за руку принцем.

— Нет! Дальше, во флигеле.

Всего через минуту мы и вправду остановились перед небольшой одноэтажной постройкой, в отличие от замка, деревянной и, на первый взгляд, довольно-таки хлипкой.

— Точно здесь? — с сомнением спросила я.

— Сейчас узнаем, — пообещал Аладдин.

— Да точно, точно! Мы его нашли, — заверила Дейве, выходя нам навстречу вместе с Силией. — Здравствуйте, профессор Элрана!

— Доброго дня, девушки, — кивнула я.

Формальный стиль общения, стандартный для университета, казался совершенно не уместным в нынешних обстоятельствах. Однако система отношений «преподаватель-студент» прочно засела в сознании, и соответствующие слова сами слетали с языка — как у меня, так и у молодых фей.

— Ждём остальных, — констатировал Аладдин.

— Может, им всё-таки помощь понадобится? — Я, хмурясь, поглядела на возвышающийся над деревьями замок.

— Да не понадобится! — абсолютно уверенно, даже беззаботно заверила Дейве.

— Не сомневайтесь, профессор! — поддержала её Силия. — Там же Моргана.

Припомнив фею с горящим взглядом, кружащую под потолком на метле, я была вынуждена согласиться: да, пожалуй, если кто-то в замке и нуждается в помощи, то это скорее Кошвилль и компания.

Студентки оказались правы. Прошло всего несколько минут — и мы увидели быстро приближающихся по воздуху фей.

Я с волнением вглядывалась в появляющиеся в поле зрения силуэты. Одна, две, три, четыре... Кого-то не хватает. Точно: Морганы. А вот и она. Всё так же летит на метле, хотя вполне могла бы воспользоваться крыльями. Не иначе, вошла во вкус.

— Уходим? — быстро спросила я, убедившись, что все семь студенток на месте.

Погони пока видно не было, но в том, что она вскоре появится, сомневаться не приходилось.

— Ещё две минуты, профессор! — откликнулась Дейве.

Я не вполне понимала, на что могут понадобиться эти две минуты, учитывая, что в сложившихся обстоятельствах наиболее правильным казалось поскорее покинуть Сиреневый Замок. Волшебство — это, конечно, серьёзная защита, но ни от случайной стрелы, ни от целого гарнизона всё-таки не спасёт. Однако не я подготовила спасательную операцию, не мне было и возражать. Девушки ведь ради меня старались, и не оценить этого факта я не могла.

И я повернулась к Аладдину, надеясь, пока суд да дело, расспросить его об их неожиданном появлении. Потому и не заметила, как шесть студенток, расположившись полукругом лицом к флигелю, синхронно повернули руки ладонями вверх. И как Моргана, взмыв над постройкой на облюбованной ею метле, застыла в воздухе над покатою крышей.

— Как вы сумели сюда пробраться? — спросила я, но получить ответ так и не успела.

В небе, невзирая хорошую погоду, внезапно гроыхнуло, и во флигель ударила молния. Обернувшись, я обнаружила, что девушки

используют волшебную силу, дабы поддержать только что устроенный Морганой пожар. Но что-либо предпринимать было поздно. Над постройкой взметнулись языки пламени.

— Вы что?! — воскликнула я, в последний момент проглотив остальные рвавшиеся с языка слова.

Всё же высказывать сомнения в умственных способностях тех, кто только что тебя спас, несколько невежливо. Хотя, с учётом последних действий студенток, факт спасения оказался теперь под вопросом.

— Лишаем Кошвилля возможности последовать за нами, — объяснила Дейве.

— Или похитить царевну, — добавила Майя.

— Пусть посидит здесь, отрезанный от мира, — жёстко бросила Фритта. — Добраться до города через лес невозможно, а окольными путями придётся горы огигать, эдак у него несколько месяцев на дорогу уйдёт.

Я оглянулась на Аладдина, рассчитывая, что он хотя бы он разделит мои чувства. Однако увидела в его глазах лишь солидарность с девушками.

— Всё это хорошо, — согласилась я, с тоской глядя на охваченное пламенем здание, — но мы-то как теперь отсюда выберемся?

Со стороны замка, как я и ожидала, уже бежали преследователи. Собственно говоря, было бы странно, если бы они не появились, учитывая густой дым, поднимающийся к небу. Отличный способ сообщить Кошвиллю, где именно мы находимся, на случай, если его люди случайно потеряют след.

— Так же, как добрались сюда, — уверенно ответил принц.

Он тоже заметил преследователей, но их появление лишь придало ему сосредоточенности.

— Как именно, нельзя ли уточнить? — потребовала я.

— Девушки сами прилетели, на крыльях, — озвучил Аладдин то, что я и сама уже предполагала.

Проблема, в моём представлении, заключалась в первую очередь в том, как отсюда выберется сам принц. Во вторую — как буду выбираться я, учитывая, что годы мои уже не те, да и крылья лишь недавно начали функционировать. Немножко, надеюсь, пролечу, но аж до города — вряд ли. Как раз над самой чашей и вынуждена буду приземлиться, на радость поджидающим внизу чудовищам.

— А я — на ковре-самолёте, — добавил Аладдин, разом вернув мне этими словами веру в будущее.

И, коснувшись моего плеча, указал на красно-чёрный ковёр, который как раз закончили раскатывать Динь и Тинкер.

Надо же, я и не подозревала, что у принца есть ковёр-самолёт! Нам воистину крупно повезло. Такие вещи чрезвычайно редки, да ещё и не каждому человеку соглашаются служить.

— Конечно, для того, чтобы им управлять, требуется волшебство, — продолжал говорить Аладдин, подведя меня к ковру и остановившись, галантным жестом предлагая занять место первой. — Но девушки помогали. А иногда передохнуть садились, по очереди. Двоих он переносит с лёгкостью.

Принц тоже ступил на ковёр — и вовремя. Преследователи во главе с Кошвиллем собственной персоной подобрались совсем близко — с воплями и ругательствами, совершенно естественными, учитывая стремительно сгорающий флигель. Феи взлетели, а я принялась колдовать над нашим средством передвижения, и спустя пару секунд мы тоже оторвались от земли. Однако поднимался ковёр медленно, и Кошвилль сумел ухватиться за его край. Солдаты гарнизона были уже рядом. Ещё чуть-чуть — и они присоединятся к своему хозяину, а в этом случае Аладдину уже не выбраться.

Расправив крылья, я поднялась в воздух. Вес «груза» существенно уменьшился, и ковёр стал подниматься быстрее.

— Где Несмеяна? — требовательно крикнул Кошвилль, ноги которого были готовы вот-вот оторваться от земли.

— А её с нами не было! — не кривя душой, ответила я. И, немного покривив душой, добавила: — Поищите в замке!

Барон вынужденно разжал пальцы, выпуская ковёр, и Аладдин благополучно поднялся выше. Схватить его теперь было нельзя, но подстрелить при желании — вполне реально. Поэтому я приложила все возможные усилия, чтобы ускорить движение умной вещи, сама же — с той же целью — какое-то время летела рядом. Это оказалось проще, чем я опасалась. Ещё немного — и наши недавние преследователи превратились в крохотные точки далеко внизу.

Комментарий:

быть Доброй Феей очень сложно

*лечить спасать женить учить
себе дешевле выйдет Фею
не злить*

Оказавшись в безопасности, я наконец позволила себе приземлиться на ковёр. Долго убирала назад растрепавшиеся волосы, которые упрямый ветер раз за разом бросал обратно в лицо. Лишь спустя несколько минут кое-как приноровилась к движению воздуха.

— Аладдин, девушки, я чрезвычайно вам благодарна. — Теперь, когда мы попривыкли к воздушному путешествию, студентки летели в непосредственной близости от ковра, и это позволило мне обратиться ко всем одновременно. — Но объясните мне одну вещь. Как здесь оказался его высочество, я теперь приблизительно понимаю. Но вы, девушки, каким образом оказались замешаны в эту историю?

— Нам принц сообщил, — пояснила Тинкер.

Я изумлённо уставилась на спутника. Никак не ожидала, что Аладдин способен привлечь к такому опасному делу юных и неопытных студенток.

— Я не смог последовать за тобой сразу, — принялся оправдываться принц, моментально догадавшийся о ходе моих мыслей. — Пришлось тратить время, выясняя, как сюда можно добраться. Я решил, пока суд да дело, предупредить твоих учениц, что лекций завтра не будет. Узнать адреса для меня труда не составило, ну, я и отправил всем одинаковые сообщения. Только и всего.

Он подкрепил свои слова кристально честным взглядом и даже прижал руку к груди.

— Это правда, — подтвердила Моргана, пока я недоверчиво взидала на Аладдина. — Дальше мы уже сами...проявили инициативу.

— Мы определили по почерку, где находится отправитель письма, — добавила Дейве. — Это же простое волшебство, мы такое на втором курсе проходили.

Что правда, то правда. Волшебство, быть может, не такое уж и простое, но для молодых и инициативных фей, коими движет чувство азарта, вообще мало что подпадает под понятие «невозможное».

— Я не собирался их впутывать, — продолжал гнуть свою линию Аладдин, и я по-прежнему ему верила.

— Но мы потребовали, чтобы нас взяли с собой, — сообщила

Фритта.

При иных обстоятельствах я бы, наверное, возмутилась и хорошенько кое-кого отчитала. Они потребовали! И у кого? У иностранного принца! Притом, вне всяких сомнений, пребывали в абсолютной уверенности, что имеют на это полное право. Они же давно знакомы, практически на короткой ноге! Правда, знакомство заключалось в том, что сначала девушки закидали принца бесцеремонными вопросами во время лекции, а потом он вытащил их из тюрьмы, куда они угодили по собственной глупости. Но кого интересуют подобные мелочи?

Впрочем, в нынешних обстоятельствах злиться на них я по понятным причинам не могла. Оставалось лишь с усмешкой покачать головой.

И главное дело, Аладдин был слишком интеллигентен, чтобы им отказать. Это начальника тюрьмы он с лёгкостью мог осадить или послать по известному адресу. А юным дамам, конечно же, воспротивиться не сумел. Чем юные дамы беззастенчиво воспользовались.

— Но в итоге это пошло всем на пользу, — заступился Аладдин не то за себя, не то за студенток. — Нет, я бы, конечно, в любом случае нашёл способ тебя отыскать. Но кто знает, сколько времени бы на это ушло? А так у девушек обнаружился ковёр-самолёт, и мы смогли добраться до замка всего за несколько часов.

— Постой. — Одна из произнесённых принцем фраз породила во мне дурное предчувствие. — Разве ковёр-самолёт — не твой?

— Нет, — покачал головой Аладдин. — У меня вообще нет волшебных вещей. Признаться, я не очень-то дружу с магией.

Мои глаза расширились, и вовсе не из-за того, что принцу недоступно волшебство.

— Девушки, — я медленно повернула голову налево, к летевшим с той стороны Фритте, Майе и Тинкер, — скажите, пожалуйста, откуда вы взяли ковёр-самолёт?

Мой вежливый тон никого не обманул, и студентки тут же замялись. Фритта как-то сразу отстала, Майя, наоборот, улетела вперёд. Я требовательно уставилась на Тинкер.

— Ну...э...мы его одолжили, — неуверенно ответила та. И поспешила добавить: — Он всё равно лежал и пылился, никому не

нужный.

Другие девушки, всё-таки подлелевшие поближе, дабы не оставлять сокурсницу в одиночестве, вразнобой закивали.

— А лежал и пылился он, как я понимаю, в университетском музее редких волшебных вещей, в зале особо ценных экспонатов, находящихся под присмотром самого ректора? — грозно осведомилась я.

И встала на колени, чтобы удобнее было рассматривать несший нас с Аладдином ковёр. Ну да, конечно. Вот оно, небольшое чернильное пятно в углу. Никак не умаляющее ценности умной вещи, зато являющее собой уникальный опознавательный знак.

Студентки синхронно заинтересовались неспешно проплывающими над нами облаками. Однако моё молчание было, по-видимому, не менее грозным, чем слова, поэтому Динь в конечном итоге не выдержала:

— Но мы же совсем ненадолго взяли!

— А разрешение у ректора вы попросили?

Я, конечно, была уверена в отрицательном ответе, но огонёк надежды, как водится, теплился до последнего...

— Так ведь время-то было ночное, — с кристально честным взглядом пояснила Майя. — Мы не хотели его будить.

Я уронила голову на руки.

— Меня уволят. — Это был даже не крик души, просто констатация факта. — Нет, вас я, конечно, отстоять сумею, никого не отчислят, хотя без мелких наказаний вряд ли обойдётся. Возможно, пару экзаменов придётся пересдать. Но меня из университета точно выставят...

Я хотела добавить «под зад коленом», но в последний момент сдержалась: всё-таки это пока ещё мои студентки, и некоторые формальности необходимо соблюдать.

— Не выставят, — предельно спокойно заверил принц. — У меня есть в университете кое-какие связи. К тому же, даже если выставят, в моём королевстве тоже имеются высшие учебные заведения, — добавил он. — А если пожелаешь, можешь и вовсе забросить преподавание и перебраться во дворец.

— В каком это, интересно, качестве? — буркнула я.

— В качестве моей жены, — не моргнув глазом, ответил он.

Девушки продолжали передвигаться по воздуху точно так же, как прежде, и даже повторно проявили интерес к облакам, но я почти физически чувствовала, как они затаили дыхание.

— Шутишь? — хмуро любопытствовала я, глядя ему прямо в глаза.

— А что, разве смешно? — отвечал он, не отводя немигающий взгляд.

— Иронично, — поправила я. — Мне казалось, я уже сняла иллюзию. Ты что же, опять принял меня за царевну?

— Я похож на слепца?

— Чёрт! — слышался приглушённый шёпот чуть позади. — Почему я чернила не прихватила? Это же всё не запомнить, это конспектировать надо!

— Если кто-то хочет сдать по возвращении дополнительный экзамен, я могу это устроить, — пригрозила я, и шёпот немедленно прекратился.

— Элрана. Фея. Добрая. — Принц, начисто проигнорировав комментарий студентки, принялся сыпать эпитетами, должными убедить меня в том, что он отлично осознаёт, с кем именно разговаривает. — Иногда в плохом настроении. Иногда с окровавленным ножом. Иногда и то, и другое, — добавил, немного подумав.

Вот мне бы сейчас нож где-нибудь раздобыть! Точно и то, и другое было бы.

После столь многообещающего начала я рассчитывала на продолжительное перечисление моих недостатков. Так что принц умудрился полностью огорошить меня совершенно не логичным выводом:

— Выходи за меня замуж.

— Ах!

Это не я, конечно. Это одна из студенток расчувствовалась. Я даже не оглянулась. Если она от избытка эмоций потеряет ориентацию в пространстве и упадёт прямо в пасть какому-нибудь лесному чудовищу, последнему можно будет только посочувствовать. Нельзя есть столько приторного.

Мы с Аладдином продолжали играть в гляделки, будто он не предложение мне только что сделал, а на дуэль вызвал.

— Принц. Прекрасный, — приступила к ответному выпадку я.

— Одна штука, — перехватил инициативу он. — Хвоста нет. Рогов нет. Конь не белый.

— И кому только такой нужен? — поддакнула я.

— Не знаю, — честно признался он, по-прежнему не отводя взгляда. — Я подумал... может быть, тебе?

— Может быть.

Мы продолжили лететь молча. Внизу проплывали кроны деревьев, в тени которых рыскали в поисках добычи ненасытные чудовища. Вверху объёмные облака лениво шевелились, постепенно изменяя форму. Мы не обращали внимания ни на то, ни на другое.

— У твоего брата крепкое здоровье? — спросила я затем.

Аладдин непонимающе нахмурился.

— Не жалуется.

— А дети у него есть?

— Двое. Ты что, собираешься стать их крёстной феей?

— Нет. Хочу удостовериться в том, что тебе не светит занять престол. Потому что становиться королевой я точно не собираюсь. У меня и без того головной боли больше чем достаточно.

Его губы тронула улыбка.

— То есть это «да»?

— Похоже на то, — проговорила я, сама донельзя удивлённая собственным ответом. И тут же обхватила голову руками. — Ох, нет! — тоскливо простонала я. — Отбивать жениха у собственной подопечной — это уже ни в какие ворота не лезет! Это же полное отсутствие профессиональной этики!

— Ну, вообще-то, твой подопечный — это я, а не Несмеяна, — напомнил принц.

— Это демагогия, — отмахнулась я. — И потом, соблазнять собственного подопечного — тоже, знаешь ли, не самое этичное поведение для крёстной феи.

— Когда это ты меня соблазняла? — удивлённо моргнул Аладдин.

Не имею представления, было ли его удивление искренним или наигранным.

— Не знаю. — Я энергично развела руки в стороны. — Но результат ведь налицо.

Принца мои доводы не слишком впечатлили, на студенток я и вовсе

старалась не смотреть, и в итоге подошла к вопросу с другой стороны.

— Ты хоть понимаешь, насколько я тебя старше?

— Да помню, помню, — отмахнулся Аладдин. — Тебе шестьдесят.

— Пятьдесят два! — задохнулась от возмущения я.

И по его ухмылке тут же поняла, что спровоцировали меня специально. Я обиженно поджала губы.

— Вот видишь, — подмигнул Аладдин. — И вообще, я проверял: для вас, фей, полвека — это вообще не возраст. Вы даже детей можете рожать как минимум до семидесяти.

— Д-детей? — заикаясь, повторила я.

И непроизвольно посмотрела вниз. Как-то сразу потянуло спрыгнуть с ковра. К милым, симпатичным чудовищам, которые, по крайней мере, сожрут меня сразу, а не станут, подобно маленьким вампирчикам, вытягивать силы и расшатывать нервы годами.

Тряхнув головой, я отогнала наваждение. Проблемы лучше решать по мере их поступления, и в данный момент у меня хватает куда более насущных.

— Дело не в моих документах и тем более не в репродуктивной функции, — отрезала я. — Дело в том, что я из себя представляю. Ты — молодой интересный мужчина. А я... Для меня выпасться перед рабочим днём важнее, чем пойти на бал. Я предпочту почитать статью, уютно устроившись дома на диване, чем полететь на шабаш ведьм. Я...

Палец Аладдина остановил потом моего красноречия, коснувшись приоткрытых губ.

— Пожалуйста, не продолжай! — взмолился он. — А то, чувствую, скоро станешь рассказывать, чем предпочтёшь заняться вместо брачной ночи. Давай хоть что-нибудь оставим недосказанным.

Я хотела возразить, что это совершенно не правильный подход, что все вопросы надо выяснять заранее, дабы потом не получить неприятных сюрпризов, и что именно в таких нюансах и проявляется наша разница в возрасте... Но не успела. Меня совершенно бесцеремонно, я бы даже сказала, по-мальчишески, обняли и поцеловали, и возражения как-то сами собой выветрились из головы. Зато им на смену пришло чёткое ощущение, что сейчас я с лёгкостью смогла бы преодолеть любое расстояние на крыльях, не прибегая к помощи ковра-самолёта.

— Никуда не годится. Это просто ужасно! — уже в который раз восклицала царевна Несмеяна, меряя шагами гостиную.

Гостиная, как и большинство комнат в доме маркиза, была просторная, и тем не менее девушка умудрялась пересечь её хоть в длину, хоть в ширину, хоть по диагонали за считанные секунды.

Дарьен наблюдал за её перемещениям с недовольством, каковое ему пока ещё удавалось скрывать под маской вежливости. С того момента, как от принца пришла короткая записка невразумительного содержания, он и сам сидел как на иголках. Кроме того, он был зол на его высочество, будь оно неладно, за то, что это самое высочество не включило в свою записку достаточной информации. Всего-то и было сказано, что авантюра с подменой закончилась плачевно, Элрану сумели похитить вместо царевны, и теперь Аладдин ищет способ добраться до похитителя. О том, кем этот паразит является, где его можно найти или, по меньшей мере, где искать самого Аладдина, не было написано ни слова.

Итог: невеста пропала неизвестно куда, предпринять в этой связи он, Дарьен, ничего не может, так ещё и девушка, вверенная его заботам, нагнетает обстановку своими непрекращающимися физическими упражнениями, а именно — ходьбой, по скорости больше напоминающей бег.

— Я должна идти. — Несмеяна (уже не в первый раз) решительно шагнула к двери. — Это моя вина. Меня должны были похитить, а не фею. Я не могу так это оставить.

Маркиз (тоже в очередной раз) двинулся ей наперерез, дабы перекрыть пути отхода.

— Госпожа царевна! — Он всё ещё говорил вежливо, хотя нотки раздражения в голосе уже прорезались. — Вы — взрослая девушка и отлично понимаете, что покинуть сейчас мой дом было бы верхом легкомыслия. Да и не могу я вас отпустить.

— Ещё как можете, — отрезала Несмеяна, тоже начавшая сердиться. — Вы джентльмен или нет?

— Именно как джентльмен и не могу, — бескомпромиссно заявил Дарьен. — Посудите сами: я отвечаю за вашу безопасность. Перед вашим же женихом отвечаю. И не имею право отпустить вас сейчас навстречу неведомо какой опасности. Одна вот уже отправилась, — сквозь зубы пробормотал он.

— Это не ваше дело! — выпалила, задрав подбородок, девушка.

— Ещё как моё! — Маркиз не намеревался уступать ей в упрямстве.

— Вы не понимаете! — воскликнула Несмеяна, отчаянно ломая руки. К счастью, от двери отошла, что позволило Дарьену хоть чуть-чуть расслабиться. — Это всё из-за меня. Если бы я сразу рассказала обо всём отцу, или начальнику стражи, ничего бы не случилось. А я вместо этого всё скрыла, пошла за помощью к фее, которая тут вообще ни при чём, и теперь она попала в беду, а это совершенно не справедливо.

— Девушка, жизнь вообще несправедлива, — огрызнулся маркиз. — Почему бы вам просто не посидеть спокойно и не подождать, пока мы раздобудем хоть какую-то информацию? В данный момент мы всё равно ничего поделать не можем. Если хотите, я велю принести вам ещё чаю.

— Мне не нужен чай, — раздосадованно бросила Несмеяна. — Как я могу спокойно пить, когда с людьми такое случилось? И я кругом виновата, понимаете вы это?

— Нет, не понимаю! — взорвался Дарьен. — Прекратите наконец страдать и возьмите себя в руки! Казалось бы, взрослый человек, а ведёте себя, как избалованный ребёнок! Можете вы хоть ненадолго перестать себя жалеть? Думаете, вам одной сейчас нелегко? Сильно заблуждаетесь: есть люди, которым значительно хуже, чем вам. Но не все устраивают истерики и столь старательно перетягивают внимание на собственную персону!

Несмеяна замерла посреди комнаты, расширив глаза, в которых застыли так и не успевшие пролиться слёзы. Лицо её вытянулось, а грудь тяжело вздымалась от учащённого дыхания.

— Что... Да как... Да как вы смеете?! Да кто вы вообще такой? Да вы хотя бы отдаёте себе отчёт, с кем разговариваете?! Думаете, я потерплю такое обращение? Да я бы вас на дуэль вызвала, если бы была мужчиной! Меня никто и никогда так не оскорблял! Истерику я, видите ли, устраиваю! Подумаешь, высказалась! Если вы ведёте себя, как бесчувственный чурбан, это не значит, что ото всех можно требовать того же. И, тем более, оскорблять тех, кто, по счастью, хоть немного отличается от вас! И никакой вы не джентльмен, ваше поведение вообще недостойно мужчины! Вы...вы...

Она вдруг умолкла, уставившись в одну точку. Дарьен, слегка

опешивший от услышанной отповеди и даже испытывавший кое-какие угрызения совести, теперь и вовсе забеспокоился о душевном здоровье девушки. В конце концов, и правда, что он на неё набросился? Ну, ходила бы из угла в угол, хоть как-то пар выпускала. А он сам разнервничался, вот и вспылал не по делу.

Царевна стояла, будто напрочь забыв о присутствии в гостиной маркиза, а потом совершенно неожиданно...расхохоталась. В результате чего Дарьен окончательно уверился в том, что девушка нездорова.

— Это же надо! — простонала Несмеяна сквозь выступившие от хохота слёзы. — «Заставил мой разум помутиться и отступить перед напором нахлынувших чувств»! — процитировала она зазубренное наизусть условие снятия проклятья. — Вывел из себя, если попросту! А я-то думала!

И она снова захохотала, совершенно непристойным образом согнувшись пополам. А Дарьен почувствовал, что ему ужасно нравится эта непосредственность и безразличие к этикету.

Несмеяна продолжала смеяться, но Дарьен уже не испытывал в связи с этим прежнего беспокойства. В перерывах между приступами хохота девушка сумела в двух словах объяснить, что с ней только что произошло.

— Любопытно, как бы вы отреагировали, если бы я сейчас рассказал пошлый анекдот, — лениво заметил он. — Продолжили бы смеяться или покраснели бы и дали мне пощёчину?

Про покраснели — это он, конечно, переборщил: от продолжительного смеха лицо царевны и без того было пунцовым, так что у чувства возмущения или стыда не было ни малейшего шанса повлиять на его цвет.

И тут Несмеяна в очередной раз удивила маркиза совершенно непредсказуемой реакцией.

— А хотите, я вам сама неприличный анекдот расскажу? — предложила она. И, не дожидаясь ответа, приступила: — Возвращается как-то барон домой с охоты, а в постели баронессы главный ловчий лежит...

Дарьен сидел, хлопая глазами, особенно не вникая в суть анекдота, тем более что шутка была ему смутно знакома. Он не помнил, при каких обстоятельствах слышал её в прошлый раз, но уж точно в

исключительно мужском обществе. И то не на светском приёме и не во время карточной игры в приличном клубе, а скорее именно на охоте, где правила этикета более гибки.

— Царевна... — даже не улыбнувшись, проговорил он, когда история о бароне, приобретшем во время охоты рога, была закончена. — А вы откуда знаете такие анекдоты?

— Как это откуда? — весело откликнулась Несмеяна, которую шок маркиза нисколько не смутил, а скорее даже позабавил. Впрочем, насколько Дарьен мог судить, её сейчас забавляло решительно всё. — Так меня же за столько лет пытались рассмешить всеми возможными способами.

— И что, ваш батюшка позволял? — изумился хозяин дома.

— Конечно, — пожала плечами царевна. — Это же его идея была, чтобы меня непременно кто-нибудь заставил засмеяться. К концу первого года ему стало совершенно всё равно, насколько приличны шутки. Лишь бы хоть что-то сработало.

— Однако же, насколько я понимаю, не сработало.

— Нет.

— И почему я не удивлён?

Поднявшись, маркиз подошёл к шкафу из орехового дерева с застеклёнными дверцами.

— Вы не возражаете, если я выпью немного коньяка? — спросил он, доставая пузатую бутылку.

События сегодняшнего дня определённо следовало запить.

— Мне совершенно безразлично, что вы пьёте, — непосредственно пожала плечами девушка.

И тут маркиз понял, что окончательно и безнадежно пропал.

— Итак, внимание: перед вами — Василиса Премудрая, одна штука, — торжественно объявила я.

И указала на наглядное пособие. Правда, на сей раз таковым служил не живой человек, а хорошо исполненная картина. С полотна на нас глядела молодая женщина с чёрными волосами, заплетёнными в длинную толстую косу. Синее платье, шедшее к голубым глазам, облегало внушительную грудь. На щеках играл здоровый румянец. Широким плечам Василисы мог бы позавидовать иной рыцарь, но, поскольку женщина была рослой и статной, это её не портило.

Напротив, можно было с уверенностью утверждать, что Василиса весьма хороша собой.

— Типичный экземпляр, — продолжила я, пролетев между рядами и теперь рассматривая картину на расстоянии. — Остановит на скаку коня, как белого, так и вороного. Войдёт в горящую избу, если оттуда понадобится вынести Ивана. За ней вообще любой мужчина будет, как за каменной стеной.

Студентки с интересом изучали наглядное пособие, делая заметки в тетрадях.

— Согласно традиционной классификации, Василисы делятся на три категории, — размеренно диктовала я. — Прекрасная, Премудрая и «Да что мне, разорваться, что ли?». К каждой требуется свой подход. Василисы Премудрые, к примеру, предпочитают мужчин-дураков.

— Почему? — изумлённо спросили одновременно две студентки, Тинкер и Дейве.

Но и в глазах остальных, промолчавших, читался тот же вопрос.

— Характер у них такой, — ответила я. — Они по своей природе — руководители. Хозяйственны, инициативны, любят порядок. Им нужно в семье главенствовать, а Иваны-Дураки легче идут на роль ведомых.

— А Василисы Прекрасные что? — поинтересовалась Динь.

— А что Прекрасные? — пожала плечами я. — С Прекрасными всё проще. Их замуж выдать, сами понимаете, не проблема. Только вот... — я поморщилась, — следить за ними надо до свадьбы.

— В каком смысле следить? — уточнила Майя, нахмутив брови.

— Клептоманки они, — вздохнула я. — Так и норовят какую-нибудь мелочь стащить. Даже на пиру еду со стола тянут и в рукава прячут. Вроде и пустяк, но если попадают, очень неудобно получается.

После медового месяца мне впервые в жизни было трудновато сосредоточиться на занятиях, поэтому я была рада, когда рабочий день подошёл к концу. Зашла в кабинет, чтобы забрать кое-какие вещи, после чего намеревалась отправиться телепортом во дворец своего мужа. Наш общий, точнее, но к этому ещё пойдя привыкни. Заодно и почту посмотреть: от Несмеяны с Дарьеном как раз должно было прийти приглашение на бал.

— Ну, как дела?

Я обернулась, ожидая увидеть на пороге Мелюзину, но вместо

этого с удивлением обнаружила в воздухе ту самую фею, что несколько недель назад устроила мне знакомство с герцогом Корром.

— Дела хорошо, — сообщила я, опуская в сумку стопку домашних заданий. — Только...боюсь, не совсем так, как вам бы понравилось.

— Отчего же? — склонила голову набок фея. — Ты ведь вышла замуж.

— Вышла, — кивнула я. — Но...как бы это сказать... Не совсем за того, за кого вы меня сватали. Это нестрашно, — поспешила добавить я, не горя желанием расстраивать коллегу. — Мы все иногда совершаем ошибки. А подобранная вами кандидатура была совсем не плоха.

— Мы все и вправду порой ошибаемся, — глубокомысленно заметила фея. — Но это ведь не тот случай, верно? Аладдин эйн Эртогрул, принц, второй сын в семье. Двадцать восемь лет. Никогда не был женат, вредных привычек не имеет. Совместимость девяносто семь процентов.

Я очень медленно, так, словно каждое движение давалось с невероятным трудом, распрямила спину и подняла голову. Уставилась на фею, должно быть, с тем же выражением, с каким Василиса Прекрасная глядит на Ивана-Дурака, с полпинка решившего сложнейшую головоломку.

— Я полагала, что найденным вами женихом был маркиз Дарьен Корр, ныне герцог, — напомнила я, буравя собеседницу взглядом. — Совместимость восемьдесят три процента, если не ошибаюсь.

— Хорошая совместимость, — важно кивнула фея. — Но с принцем Аладдином всё-таки лучше. Поэтому для тебя я выбрала именно его. А Дарьен Корр — это так, небольшая уловка, которая должна была заставить тебя всерьёз задуматься о замужестве. Ведь до тех пор ты совершенно не видела себя в роли невесты, не так ли?

— Допустим, — подтвердила я, начиная сердиться. — Но если вы с самого начала намеревались свести меня с Аладдином, к чему было так всё усложнять?

— Если помнишь, ты и на Корра согласилась с большим трудом, — усмехнулась фея. — А то был зрелый мужчина, начисто лишённый романтических настроений. Как бы ты отреагировала, намеки я тебе тогда на брак с твоим собственным подопечным, к тому же настоящим принцем, почти что на белом коне, молодым, да ещё и — ни больше, ни меньше — по любви?

— Как минимум, обвинила бы вас в профнепригодности, — невольно усмехнулась я.

А скорее всего, ещё и порекомендовала бы обратиться в лечебницу для душевнобольных.

— Вот видишь! — И фея, которой вряд ли было меньше девяноста лет, по-ребячески мне подмигнула. — Ну, я пойду. А вы живите, долго и счастливо.

— Спасибо! — поблагодарила крёстную я.

— Кстати, как летается?

И, не дожидаясь моего ответа, явно очень довольная собой фея выпорхнула в открытое окно.

Я, усмехнувшись, посмотрела ей вслед. От недавнего раздражения не осталось и следа. В конце-то концов, у каждой из нас свои методы.